

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что мы, рабочие, и сами знаем, а побольше дали нам того, чего мы еще не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания.

В. И. Ленин
«Что делать?»

ч | у | м | а | й | м | е

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Редакция «ПРОРЫВА»

**ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ
ПРИЛИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
О СУЩНОСТИ СВОЕЙ
«ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ»?**
СТР. 2 - 3

К ВОПРОСУ *В. Подгузов*
**О СУЩНОСТИ
ВЛАСТИ**
СТР. 4 - 23

*А. Фазерстоун,
Д. Хенвуд и К. Паренти*
Перевод и послесловие - А. Лбов
**ДАВАЙТЕ
ЧТО-НИБУДЬ
ПОДЕЛАЕМ**
СТР. 24 - 32

О РАБОЧЕМ *В. Новак*
**КЛАССЕ
И СОВЕТАХ**
СТР. 33 - 37

В. Заречный
**РОЛЬ ПАРТИЙНОЙ
ПЕЧАТИ В СОВРЕМЕННОМ
КОММУНИСТИЧЕСКОМ
ДВИЖЕНИИ**
СТР. 38 - 41

О. Петрова
**РЕКОМЕНДУЮ
ПОЧИТАТЬ**
СТР. 42 - 47

ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ПРИЛИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК О СУЩНОСТИ СВОЕЙ «ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ»?

Сегодня нельзя сказать, что коммунистические теоретики ответили неравнодушным людям на вопрос, почему рухнул СССР, и почему капитализм оказался устойчивее, чем хотелось бы.

Однако необходимо признать, что, с точки зрения прошедшей истории, рабовладение гораздо более устойчивая система, по сравнению с которой капитализм все еще младенец. Но это не означает, что разумный человек будет стараться возродить рабовладение потому, что оно существовало более пяти тысячелетий, а капитализм всего триста лет, и весь XX век провел в напряженной борьбе за свое выживание. Судя по процессам, происходящим сегодня в мировой финансовой системе и в политической жизни Южной Америки, нельзя сказать, что, после крушения социализма в СССР, капитализм обеспечил себя более прочными гарантиями.

Короче говоря, продолжительность существования той или иной формы устройства общества не является сильным доводом в пользу раболепного подражания.

Тем не менее, с научной точки зрения, полезно найти ответ на вопрос: почему капитализм все еще существует, несмотря на то, что ежегодно **сотни тысяч** людей в рыночных странах предпочитают покончить жизнь самоубийством, вместо того, чтобы изменить экономическую систему, превращающую их в неудачников, бездомных, наркоманов, алкоголиков, психбольных и, тем самым, принуждающую их «добровольно» уходить из жизни. Почему миллионы людей ежегодно предпочитают умереть от диабета, инфарктов и инсультов, страдать от импотенции, одиночества, но, с покорностью мула, из последних сил тянут ямку рыночного прозябания. Почему миллиарды **юридически** свободных людей каждое утро, зачастую без выходных и отпусков, сонные, раздраженные вываливаются на улицы, втискиваются в двери автобусов и вагонов метро, по несколько часов, продвигаясь с черепашьей скоростью в пробках, едут, потом бегут на работу к хозяину и покорно занимаются в течение рабочего дня, как правило, ненавистным делом. Почему большинство населения рыночных стран откладывает на потом вопрос образования семьи и в массовом порядке обзаводится резиновыми куклами, порногра-

фией, искусственными гениталиями, а не пытается построить жизнь так, чтобы работа на хозяина осуществлялась только в часы, свободные от любви и других полезных дел? Что это за цепи, которые сделали людей раболепнее рабов древнего Египта, которые частенько умышленно ломали орудия труда, чтобы провести день в праздности, т.е. как на празднике.

Ответить на подобные вопросы легко в самом общем виде: только массовая неграмотность, особенно политическая, способна обречь людей на подобный идиотский образ жизни.

Но, если обратиться к самым почитаемым теоретикам Запада, то мы увидим, что одним из основополагающих условий существования рыночной экономики, по их мнению, является дипломатично сформулированный принцип: «люди поддаются стимулированию». В переводе на русский язык это означает, что многие люди поддаются, как и животные, ДРЕССУРЕ, т.е. стимулированию посредством **палки и пряника**.

Так что же это за стимул, привязывающий миллиарды людей к рабочему месту сильнее, чем цепи раба, делающий из юридически свободного человека - наемника, истязающего себя во имя прибыли своего хозяина?

Миллиарды людей сегодня все еще не понимают, что их «привязанность» к хозяину и, следовательно, устойчивость капитализма, в решающей степени определяется притяжением т.н. **«заработной платы»**. Очень многие люди не ведают, что в эпоху своего возникновения денежная форма «заработной платы» считалась (в среде свободных людей) самым позорным институтом и распространялась, в основном, на наемных солдат и проституток. Свободные люди, сами обеспечивавшие себя всем необходимым для жизни, не поступали в услужение другим людям, но видели, что солдаты за деньги легко идут на дурацкую смерть и, что нет такой гадости, на которую проститутка не согласилась бы, если ей заплатят сумму, соответствующую степени извращения. Поэтому в могилах аристократов, монархов и свободных граждан эпохи рабовладения можно всегда было найти много золотых украшений, но только не золотых денег, поскольку они тысячелетиями ассоциировались с блудом и солдафонской продажностью.

Но, со временем, аристократы поняли, что плетки и колодки слишком откровенно демонстрируют рабу сущность той ситуации, в которую он попал и, тем самым, уничтожают мотивацию к работе на тирана. Осознав это, английские ленд-лорды в один прекрасный момент освободили своих крестьян от феодальной зависимости и перевели их на денежную форму «заработной платы», т.е. распространили на крепостных крестьян форму оплаты труда проституток и наемных солдат. Предприниматели всего мира заметили, что, при денежной форме оплаты труда, большинство людей в своих попытках увеличить заработную плату, САМИ способны загнать себя до смерти в забое или у станка.

Почему шахтеры САМИ частенько отключают газоанализаторы на шахтах? Потому, что хотят получить «большую» заработную плату. При решении вопроса: жизнь или «большая» зарплата, рабочие и служащие, чаще всего, выберут смерть от взрыва, силикоза, рака, инсульта, но не откажутся от тяжелого труда во имя зарплаты. Они, порой думают, что таков их собственный выбор. На самом же деле, это тонкая технология предпринимателей всего мира, учитывающих особенность психики малообразованных или, что одно и то же, одноклоачных людей.

Если осел идет за морковкой, висящей на палке перед его мордой, то ослу всегда кажется, что он - молодчина, потому что не хуже ездока знает, куда и зачем нужно идти. Руководствуясь подобной мудростью, осел трусцой убегает от назойливых ударов сзади, но с удовольствием бежит за морковкой, в предвкушении пиршества. Таков «свободный» выбор осла. Правда, даже осла, порой, немного озадачивает, что путь к этой близкой морковке подозрительно долог, и тогда осел встает, объявляя самую древнюю в мире форму забастовки.

После многих веков откровенной тирании, издевательств над человеком труда, феодалы, перекрасившись в предпринимателей, нашли гениальную технологию, создающую устойчивую иллюзию партнерских отношений хозяина и раба, при которой бывший нерадивый раб сам стремится к наиболее интенсивному использованию своего времени на работе у хозяина, поскольку искренне надеется, что хозяин откликнется повышением заработной платы на самоистязания рабочих. Иллюзия была настолько сильной, что в первые десятилетия существования рыночной экономики, например, в Голландии и Англии, рабочий день наемных работников, т.е. бывших феодальных крестьян, достигал 16-14 часов и... никаких забастовок, поскольку таков был договор двух «джентельменов» при найме. Правда, у одного «джентельмена» склады и магазины ломились от товаров, а у другого - ничего, кроме товара - «некормленная уже три дня рабочая сила», не было. Поэтому, несмотря на голодные об-

мороки, первые наемные работники работали с таким же энтузиазмом, как и ослы, «добровольно» бегущие за морковкой на палке.

Это потом была борьба рабочих за сокращение рабочего дня без сокращения заработной платы, а сначала - сердце предпринимателей обливалось слезами умиления от созерцания трудового энтузиазма наемных рабочих и... соответствующего роста прибыли.

Разумеется, эти моменты научно исследованы в трудах классиков марксизма-ленинизма. Маркс доказал, что «заработная плата» есть наиболее удачная находка класса эксплуататоров, представляющая собой «мирный договор» между пролетариями и буржуа-ми, который создает, во-первых, **иллюзию** справедливости в отношениях между наемным работником и нанимателем, во-вторых, **иллюзию** возможности заработать больше, чем оговорено в контракте и, в-третьих, **иллюзию** прозрачности в системе начисления зарплаты. Маркс также доказал, что величина стоимости товара «рабочая сила» есть всегда тот МИНИМУМ, который необходим для поддержания физических и умственных способностей наемного рабочего на уровне, который определяет ХОЗЯИН и не позволяет пролетариям и его детям вырваться из шкуры наемного работника.

Вот уже более трехсот лет пролетарии умственного и физического труда, убедившись в бесплодности своих желаний разбогатеть за счет повышения интенсивности своего личного труда, ежегодно вываливают на улицы многих столиц мира, останавливают все транспортные средства и требуют повышения заработной платы, т.е. активно просят привести размер заработной платы в соответствие со стоимостью «рабочей силы». Покривлявшись для вида, предприниматели идут на соглашение и выполняют просьбу пролетариев. Вожди профсоюзов объявляют об очередной победе труда над тиранией капитала, а пролетарии опять понуро расходятся по своим рабочим местам, чтобы напряженным трудом заработать свою шагреньевую «зарплату». Но завтра они узнают, что предприниматели, в связи с ростом заработной платы, подняли цены на все товары. Этим и заканчивается ежегодная комедия экономической борьбы пролетариев за выживание.

Но, что простительно безграмотным пролетариям, не простительно коммунистам, если и они своей стратегией объявляют борьбу за приведение «заработной платы» в соответствие со «стоимостью товара «рабочая сила». Не может коммунистическая партия превратиться в авангард рабочего класса, если она плетется в хвосте лозунгов, выдвигаемых профсоюзными деятелями, которые, как показывает всемирная история профсоюзного движения, в конечном итоге, и повсеместно являются лишь проводниками коренных интересов буржуазии в среде пролетариев.

Что же делать?

***Да прочтите же, наконец, Ленина!
Он дал научные ответы на этот и множество
других важных и актуальных вопросов.***

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ВЛАСТИ

Валерий Подгузов

Очень часто в среде импульсивных людей приходится слышать фразу: «Эх, дали бы мне власть, я бы...». Нередко можно услышать дискуссии о власти и в среде современных коммунистов. Причем, некоторые из них рассуждают так, как будто, в соответствии с теорией марксизма-ленинизма, власть и именно власть должны взять сами коммунисты. Более того, в современной литературе и левого, и правого толка дело представляют так, как будто в 1917 году власть, действительно, находилась в руках большевиков в том же смысле, в каком она находилась в руках, например, былинного героя. Некоторые левые поэты очень своеобразно понимали суть ленинского учения о задачах коммунистов и призывали: «Коммунисты, спасите народ!».

Но бесспорен исторический факт, что Ленин и Сталин знали, что такое власть, что надо делать большевикам, чтобы буржуазия потеряла власть, а рабочий класс мог «власть», удержать её в течение десятилетий переходного периода и успешно решать коренные задачи строительства коммунизма.

Хрущев же и Брежнев уже при жизни превратились в объекты для анекдотов о «власти», размазня Горбачев потерял «власть», а Зюганов уже который год «бодается с дубом» за «власть» и никак не может решить эту задачу. Таким образом, сегодня трудно найти человека, чье мнение о сущности института власти было бы признано большинством и являлось руководством к действию, а те, кто иногда получает власть в качестве «подарка судьбы», не могут ею распорядиться.

Короче говоря, во-первых, если бы в среде коммунистов было достаточно людей, овладевших ленинизмом, то все поползновения сторонников капитализма в СССР были бы с успехом отбиты, а во-вторых, вопрос о власти вообще

стоит того, чтобы основательно разобраться в её сущности. Но в левом движении теории этого вопроса сегодня уделяют неоправданно мало внимания.

О вреде нанологике

Несмотря на многочисленные трагические уроки истории, социальные алогизмы все еще господствуют в сознании большинства людей и вынуждают их совершать массовые безрассудные поступки: играть на бирже в поддавки, лезть в ипотечную кабалу, добровольно дарить деньги ПИФам и «пенсионным» фондам, голосовать за демократов и т.п. Одним из подобных, наиболее распространенных алогизмов в элитарных средах являются их рассуждения о свободе... с одновременными поисками приемлемых форм организации ВЛАСТИ.

Можно понять олигарха, которому выгодно укреплять СВОЮ власть, т.е. делать управляемой прикормленную им судебно-полицейскую машину и окружать себя сворой личной вооруженной дворни для охраны и увековечения **своей** и только СВОЕЙ **вседозволенности**. Именно поэтому, как правило, судебно-следственные органы не находят заказчика-олигарха. Трудно понять в век нанотехнологий нанологику существа, называющего себя «интеллигентом», а рассуждающего о том, как довести устройство **власти** в РФ, прежде всего, судебно-полицейской машины, до уровня «всех цивилизованных» стран, в которых, порой, годами судят главарей мафии и выносят им оправдательный приговор «за недоказанность».

Как ни странно, но многочисленные свежие уроки разгона демонстраций интеллигентов в Москве и Питере, недавние факты полицейско-

го террора в Дании, во Франции, Эстонии, Грузии, Армении не могут поколебать ту абсурдную модель устройства общества (гибрид свободы с тюрьмой), которая укоренилась в сознании большинства современных интеллигентов.

В годы «перестройки» обрезание совести у большинства современных интеллигентов было проведено столь качественно, что они до сих пор **БОЯТСЯ честно подумать** о таком варианте устройства общества, в котором было бы **гарантировано (ЕСТЕСТВЕННОЕ для Человека разумного) состояние подлинной СВОБОДЫ каждого** во имя истинной СВОБОДЫ всех. Склонность современных интеллигентов к самоцензуре в процессе мышления, абсурдна, если учесть, что **свобода мысли** – это одно из немногих свойств человека, которое невозможно запретить юридически, если только человек сам не наложит на себя это «табу». Даже находясь в застенках гестапо, можно свободно мыслить и только потому иметь шанс переигрывать своих палачей. Свободно мыслить – абсолютно безопасно. Иное дело, что истинные обыватели знают: позволишь себе **свободно** порассуждать, доберешься до сути, а потом слово, которое «не воробей», случайно вылетит и... хозяин сожрёт правдолюба. Такова трусливая основа современной самоцензуры многих интеллигентов.

С этой точки зрения, телепередачи, например, Познера и Сванидзе со «свободой мыслей», угодных лишь олигархам, притягательны так же, как завораживающе привлекательна виртуозность наперсточников-профессионалов, когда за ними наблюдаешь со стороны. Невозможно отрицать - ловкие ребята. Смешно было, когда ток-шоу «Свобода слова» в течение нескольких лет на телевидении РФ вел один и тот же человек – Савик Шустер. Передачи подобных журналистов, поставивших шустрость своего языка на службу олигархам, притягательны, как и искусство шулера, умением без улыбки передергивать исторические «карты» и развешивать логическую лапшу на ушах миллионов телезрителей.

Совершенно очевидно, что, если Сванидзе самокритично признается во время своей очередной передачи, что, несмотря на разрешение, полученное Сванидзе у владельца телеканала (говорить про Сталина и Ленина любые глупости), мыслящие люди все равно будут скрупулезно изучать труды, но не Сванидзе, а Маркса, Ленина и Сталина как непревзойденные литературные памятники человеческой мысли. Но это

будет последняя передача Сванидзе, поскольку о классиках марксизма в частных СМИ разрешено говорить или ничего, или только подло. Как только Сванидзе отстранят от телеобъектива, о нем уже через месяц никто не вспомнит, подобно тому, как сегодня большинство людей старшего студенческого возраста **СОВЕРШЕННО** не знают, что связано с такими фамилиями, как Коротич, Черниченко, Яковлев, Нуйкин, Селюнин, Сорокина, Боровик, Киселев, Парфенов, Шендерович. А ведь как «смело» все они лягали «мертвого льва». Но такова уж судьба всех наемных литературных наперсточников. Неслучайно одну из последних своих автобиографических книг, Аксенов назвал: «Десятилетие клеветы». В этой иронии-шутке Аксенова впервые содержится правдивая самооценка. Но Аксенов не понял, что виртуозно и не бесплатно врать о социализме можно было только тогда, когда ты виртуозно научился врать сам себе, убивая собственную совесть или подчиняясь похотям своей большой натуры.

Попутно следует заметить, что, если **СВОБОДА МЫСЛИ** безопасна даже в условиях рыночной демократии, то **СВОБОДА СЛОВА**, чаще всего, смертельно опасна, особенно для демократических журналистов, поскольку им частенько приходится писать по заданию хозяина. А поскольку **ВСЕ** хозяева - конкуренты, постольку невозможно защитить интересы своего хозяина, не покушаясь на доходы его конкурента. Поэтому у литературных холопов достаточно часто чубы отрываются вместе с головами (Холодов, Листьев, Гонгадзе, Хлебников, Политковская, Абашилов...). Никогда еще на земном шаре не погибало столько журналистов и милиционеров, как за два последних десятилетия глобального разгула демократии. И, что парадоксально, никогда еще журналисты и милиционеры не обслуживали легальную и теневую власть РФ с таким же рвением, как в годы демократического рыночного беспредела. Уместно вспомнить слова великого поэта: «Люди обычного звания сущие псы, иногда, чем тяжелей наказание, тем им милей господ».

Если бы диссиденты были совестливыми людьми, то, в ходе «свободных» рассуждений под одеялом или на кухне, они бы каждый раз с удивлением обнаруживали, что, **с точки зрения научной логики**, институту власти вообще нет места в обществе культурных людей. Но современные интеллигенты, в большинстве своем,

даже под одеялом наедине с собой бояться поразмышлять честно и свободно. Между тем, пора бы понять, что уровень тирании институтов демократической власти находится в прямой пропорциональной зависимости от степени развитости самоцензуры в среде интеллигентов. Многие интеллигенты не замечают и того, что тирания взяточвымогателей прямо пропорциональны остервенению, с которым многие интеллигенты нападают на марксизм-ленинизм, забыв, что марксизм-ленинизм есть лучший пример **предельно свободного ДВИЖЕНИЯ научной мысли интеллигентов, направленного в будущее.**

В отличие от Маркса или Ленина, которые обличали все три ветви и все существовавшие формы власти, не боясь ни монархов, ни олигархов, ни демократических временщиков, современные рыночные интеллигенты и журналисты - настоящие популизаторы власти, правда, одни подлизывают за олигархами, другие за администрацией, но о-о-чень старательно, «что подумаете, в том их призванье».

Полное отсутствие совестливости и системности в мышлении большинства современных рыночных интеллигентов и журналистов позволяет им лишь лозунгоподобно прокламировать сладость свободы и, одновременно, трудиться над решением проблем **укрепления** сразу трех ветвей власти для сохранения элитарно-либеральных форм демократической «свободы». Многие из них не понимают, что свобода не может быть ни квадратной, ни зеленой, ни фашистской, ни демократической. Она - или свобода, или её нет.

Рыночные пропагандисты сознательно обходят факт истории, что демократия возникла, практически одновременно и в **рабовладельческой** Греции, и в еще более **рабовладельческой** Италии, как попытка уйти от междоусобных войн между **РАБОВЛАДЕЛЬЦАМИ** во имя укрепления **РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ** системы, а не во имя свободы демоса, а тем более, плебса. В дальнейшем, демократия успешно обслуживала феодальную тиранию, например, и в Новгородской, и Венецианской республиках. Демократический «билль о правах» прекрасно обслужил геноцид индейцев в Америке, английские демократы изуродовали жизнь детям многих поколений аборигенов Австралии. Демократия сотни лет являлась основой рабовладения в США, английской и французской работоторговли и колониального господства в Азии, Африке и Латинской Америке

вплоть до середины 70-х годов **XX**-го века.

Именно идиотизм демократии обеспечил приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году, а спустя 60 лет - победу австрийских фашистов на выборах премьер-министра Австрии, а Ельцина на выборах в РФ. А чего стоят недавние выборы со стрельбой в Армении или выборы Ющенко с Саакашвили. Именно демократия сделала возможным возрождение фашизма, по меньшей мере, в Прибалтике, Украине и РФ, а на Кавказе и в азиатских республиках бывшего СССР - вахабизма.

Интеллектуальная деградация значительной части российской интеллигенции уже так глубока, что до них до сих пор не доходит смысл слов, уже не раз озвученных «республиканцами» США, о том, что «Алькаиду», устроившую Америке теракт 11 сентября 2001 года, и лично Бен Ладена, **десятилетиями** финансировали, снабжали, обучали и воспитывали самые что ни на есть демократические США при активном участии не менее демократического блока НАТО, а не некто, по фамилии Бут. Так что, история сожительства демократии, рабовладения, фашизма и терроризма настолько очевидна, что только слепой не увидит, а подлец промолчит об этом обстоятельстве.

На протяжении сотен лет, читая ежедневные сообщения о продажности чиновников и выборных лиц всех уровней во всех странах, большинство интеллигентов продолжали упорно, как слепой стенки, держаться за эту коррупционную схему устройства демократической власти, т.е. свободы **ВЗЯТКООБОРОТА**, не понимая, что именно логическая «раскоряченность» интеллигенции в вопросах о соотношении свободы и власти – обеспечивает диктатуру взяточдателей и терпимость взяточполучателей. Рассуждать о свободе, но заботиться о совершенствовании «вертикали» и «горизонтали» власти - обычная рыночная «логика» современных «пикейных жилетов», в том числе и антипутинской, и антимедведевской, и антикасыньиновской и антикаспаровской направленности. Все эти «анти», в том числе и «Новая газета», просто выступают за **СВОИХ** людей у кормушки власти, а не за то, чтобы над людьми было меньше власти и больше либерализма.

С легкой головы демократической интеллигенции, большое распространение в годы перестройки получил рабский тезис о том, что дела в экономике СССР идут плохо потому, что в стра-

не «нет хозяина», «свободы слова» и «трех ветвей власти». Никто не утруждал себя прогнозом: а кто эти «авторитеты», которые станут хозяевами всех советских «лесов, полей и рек», рынка рабочей силы, какие добродетельные брынцаловы, березовские, дерипаски и абрамовичи придут на смену Политбюро ЦК КПСС и КГБ, какими приемами они будут пользоваться для укрепления своей власти и в какой степени их будет интересовать свобода «каких-то там» учителей, инженеров и воспитателей детских садов? Что будет с обществом, если оно опять, как при царе, отдаст экономическую власть над людьми **частным** лицам? Об этих конкретных вопросах тогда, в конце 80-х годов, в пылу разрушительной эйфории думали лишь единицы.

Некоторые исторические аспекты вопроса о власти

Образно говоря, «перестройка» в СССР ознаменовала собой практический отказ значительной части советского народа от строительства общества без насилия, тюрем, спецслужб, милиции, чиновничества, коррупции, и прочих неотъемлемых институтов и атрибутов подлинного правового государства и, следовательно, власти.

Пока на сознание большинства населения РФ достаточно сильно действует современный пропагандистский штамп: да, в рыночной демократической РФ жить очень трудно и опасно; да страна вымирает, и поэтому можно назвать дату, когда уместно будет написать книгу «Последний из россиян»; да, только по официальной статистике в год в демократической рыночной РФ подвергаются сексуальному насилию более 120 000 детей, из которых только в 2007 году погибло 2 500 детей и столько же стали калеками; да, рыночная демократическая РФ держит первые места в мире по продажности всех ветвей власти, в том числе и «четвертой власти», по количеству самоубийств, по размаху эпидемий, например, СПИДа и туберкулеза; да, каждый день мы слышим, видим и читаем о заказных убийствах, о террористах, расстрелянных в ходе «бестолкновения»; да, беспризорных детей в ры-

ночной демократической РФ больше, чем во времена Дзержинского; да в тюрьмах и лагерях демократической РФ содержится людей больше, чем во времена Сталина во всем ГУЛАГЕ, но, мы не будем сворачивать с избранного пути, потому, что мы боимся... сталинских репрессий 1937 года. И подобные «доводы», «доказательства» воспринимаются обманутыми вкладчиками и дольщиками, как вполне логичные.

Успокаивает одно: всякая пропагандистская компания, если она вращается вокруг исторических спекуляций, неизбежно себя исчерпывает, и сомнительные ужасы далекой истории перестают выручать политиков, свергнувших граждан своей страны в БЕЗДНУ реальных **современных** трагедий.

Абсурдность современной пропаганды станет особенно очевидной, если заглянуть в коммунистические «святцы», в которых, наряду с призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», на одном из главных мест стоит призыв классиков марксизма-ленинизма - **уничтожить государство** (аппарат вооруженного насилия, принуждения, контроля) так, чтобы от всех его атрибутов (т.е. армии, полиции, судов, тюрем) не осталось и следа. Именно к этому призывал гимн борющегося рабочего класса, заверяя, что «**весь МИР НАСИЛЬЯ мы разрушим...**». Сегодня российская элита старательно, но бездарно делает вид, что у нее не хватает ума для постижения смысла этих строк. Каждый из них, кто заговаривает на эту тему, делает иезуитский упор на одном слове, «разрушим», так как будто целенаправленное разрушение **мира насилия** – жуткая подлость.

Найдутся, конечно, полемисты, которые будут утверждать, что невозможно найти в истории человечества примеры такого же бескомпромиссного и четко действующего силового механизма, каким было советское государство при Ленине и Сталине. Но пусть, какой-нибудь кандидат в президенты США в порядке PR-компаний, попробует призвать, как Ленин, к уничтожению всех государственных силовых структур, особенно армию, во всех цивилизованных странах. Такой кандидат никогда не будет избран президентом, поскольку подавляющее большинство рядовых граждан США понимают, что, во-первых, что гонка вооружений основной источник доходов республиканской партии США, а во-вторых, что жизнь в современной Америке – это нескончаемая всеобщая гражданская война, тле-

ющая, а не полыхающая только потому, что полиция и национальная гвардия США – самые сильные в мире.

Регулярно поступающие сообщения о массовых погромах в США и Западной Европе, ежегодные неоднократные сообщения мировых СМИ о массовых расстрелах из автоматического оружия коллег по работе, школьников и студентов в офисах и учебных заведениях США и Европы – показывают, какие формы взаимоотношений между гражданами США и Европы приобретут господствующий характер, если полиция и профессиональная армия не смогут сдерживать взаиморазрушительные наклонности воспитанников «свободной» рыночной демократии.

В отличие от демократов, коммунисты, с момента свержения Временного правительства, во всеуслышание заявили о своей приверженности **всеобщему РАЗОРУЖЕНИЮ**. Однако цивилизованный Запад ответил на ленинское предложение прямой вооруженной интервенцией. Молодой стране Советов, ради выживания, пришлось в этом вопросе подчиниться милитаристским традициям **ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА**.

Тем не менее, где только позволяла ситуация, коммунисты формировали предпосылки для упразднения тех или иных атрибутов государственного аппарата насилия. По крайней мере, в 20-е годы СССР имел вооруженные силы, беспрецедентно маленькие для истории России, не превышавшие 200 тыс. чел. Последовательно проводя линию на уничтожение государства, коммунисты в СССР на деле, уже к середине 30-х годов, ликвидировали частную капиталистическую форму отношений собственности, т.е. была ликвидирована объективная предпосылка для социальной напряженности любой этиологии, вплоть до религиозной и этнической, разъедающей **сегодня** практически все развитые рыночные страны: Австралию, Англию, Бельгию, Индию, Индонезию, Ирландию, Испанию, Канаду, США... Во всех этих странах терроризм и сепаратизм дает о себе знать в самых взрывных формах. Да и в современной истории РФ именно по мере распространения института крупной частной, особенно земельной, растет число заказных убийств, террористических актов, фашизма и сепаратистских устремлений. Распад Югославии, Чехословакии, Молдавии, Грузии, «цветные революции», фашизм во многих «суверенных» республиках

бывшего СССР, – есть следствие наступления института **ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ** на жизнь граждан. В этих условиях только военная государственная сила удерживает значительное число современных стран от окончательного распада и гражданских войн.

Убедительным свидетельством **отсутствия** органической связи между строительством коммунизма и аппаратом насилия является история практически всех войн, которые пришлось вести Советскому государству: крупные поражения на первых этапах оборонительных войн и сокрушительные победы на завершающих этапах всех этих войн. С принципиальной точки зрения, поражение Красной Армии в начальном периоде ВОВ объясняется тем, что общество, строящее коммунизм, общество диктатуры рабочего класса, неспособно загодя воспитывать и обучать талантливых организаторов насилия, т.е. профессиональный командный состав в силу понятных исторических причин.

Одно дело открыто утверждать, что пролетариат, доведенный до отчаяния, насильственно свергнет власть буржуазии, не дожидаясь выборов, а также широко применять прием запугивания мировой буржуазии «мощью» Красной Армии **в песнях и плакатах**, а другое дело, когда европейские государства из века в век целенаправленно пестовали свою национальную военную элиту, генеральные штабы своих армий, формировали дворянство именно как слой **ПОТОМСТВЕННЫХ** профессиональных офицеров колониальных, по сути фашистских, армий Англии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Франции, Португалии, когда руководители этих стран открыто заявляли, как, например, Черчилль или де Голль, что гордятся своими постами руководителей колониальных **ИМПЕРИЙ**.

Рабоче-крестьянская Красная Армия, в силу реально-исторических обстоятельств, не могла обладать кадрами профессиональных организаторов вооруженного насилия, т.е. носителями военного искусства и сыска. То, незначительное количество профессиональных генералов и жандармов, которое перешло с царской службы в Красную Армию и ВЧК в ходе гражданской войны, являлось выходцами из дворянской, а не пролетарской среды. По тем же причинам совершенно закономерно, что коммунизм никогда не лидировал в изобретении и применении химического, ракетного и ядерного оружия,

а лишь догонял своих вероятных противников. Именно США, не побрезговав, вывезли для дальнейшего использования главного и **убежденно-го** фашистского ракетчика, фон Брауна.

Достаточно сказать, что за всю «холодную войну» СССР ни разу количественно не превзошел США по стратегическим наступательным вооружениям. Бешеная борьба за количественное и качественное превосходство в области вооружений над конкурентами - это прерогатива и жизненное показание для рыночной экономики. Коммунизму было важно и достаточно лидировать в мирном, научном освоении космоса и классическом балете, в квартирном строительстве и спорте, чтобы решать задачи подъема авторитета коммунизма в сознании трудящихся всего мира.

Иной вопрос, что военное дело, как дело в принципе дурное, нехитрое, может быть освоено не только дворянами. Если буржуазия и дворянство навязывали советскому рабочему классу войну, тот, естественно, был вынужден отнестись к этому чужеродному делу с рабочей серьезностью и предметностью, а потому, В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ, одерживал убедительные победы. Так было в боях на Халхин-Голе, затем в боях на Карельском перешейке, во второй мировой войне, в войне коммунистического Вьетнама против США. **Сначала трудно и жертвенно, а в конечном итоге, триумфально.** Не лишены смысла выводы некоторых историков, что вторая половина ВОВ СССР по содержанию стратегических операций есть зеркальное отражение стратегии немецких захватчиков, но проведенной более успешно. Т.е. то, что не удалось сделать немецким маршалам, научились делать советские маршалы, но после двух лет учебы и выволочки на полях сражения и на даче у Сталина. Агрессоры вынуждали скорняков, наподобие чеховского Жукова, и крестьян учиться воевать явочным порядком, и не вина рабочих, что они обучались военному искусству неожиданно быстро и творчески. К тому же, в конце тридцатых годов уровень ОБЩЕЙ образованности, начитанности и технической развитости всей массы населения СССР, что отмечалось в совершенно секретных документах «третьего рейха», посвященных анализу качественного состава советских военнопленных и интернированных советских граждан, превосходил аналогичный уровень населения ВСЕХ развитых рыночных стран мира. Поэтому для Сталина не составило про-

блемы обеспечение танковых и воздушных армий советскими офицерами. Уровень образованности советских людей позволил блестяще решить задачи быстрой мобилизации, переподготовки грамотных гражданских специалистов в военные.

Совсем другое дело, когда между людьми вновь встает мелкая и крупная капиталистическая частная собственность. Сегодня 50% призывников, загнанных в армию РФ, судя по некоторым победным репортажам, попадающим на страницы демократических изданий, не умеют читать и писать, но знакомы с алкоголем, наркотиками, с камерами спецраспределителей, в лучшем случае. Ясно, что из таких призывников формировать танковые части, снабженные современной техникой – проблематично.

Сегодня, благодаря внедрению частной собственности, жизнь граждан демократической РФ невозможна без личного нарезного оружия, пулестойких дверей и окон, «спецназа», судебных приставов, рейнджеров, налоговой полиции.

А в СССР, начиная с середины 30-х годов, взаимодействие государственной «власти» с решающим большинством народа уже не требовало ни судебных приставов, ни налоговой полиции, ни тем более, рейнджеров. Иное дело, что миниатюрный НКВД работал эффективно, несмотря на то, что некоторое время его возглавляли Ягода и Ежов, по своей инициативе и убеждениям истреблявшие сторонников Советской власти, видных деятелей и военачальников. То, что диссиденты называли «массовыми сталинскими репрессиями», не было, на самом деле, «массовыми репрессиями», поскольку в «сталинских тюрьмах», даже с учетом целенаправленного вредительства Ягоды и Ежова, арестантов сидело меньше, чем в годы ельцинизма, тем более людей в возрасте до 30 лет.

В условиях, когда СССР превратился в единственную страну мира, свободную от безработицы, экономических кризисов, финансовых и квартирных пирамид, организованного бандитизма, когда население в массовом порядке стало систематически вселяться в новые квартиры, когда по количеству студентов СССР вышел на первое место в мире, когда впервые в истории России была ликвидирована поголовная неграмотность, дедовщина в армии, населению нечего было предъявить руководству ВКПБ в качестве принципиальных претензий.

мыслящих людей абсолютно уверены в воровской сущности всех олигархов, большинства чиновников и служителей закона. Более того, если, например, Карасева, или какого-нибудь сексуального маньяка завтра выпустят на свободу, то и обманутые дольщики, и обиженные родственники устроят самосуд.

Начиная с 60-х годов, миф о могуществе репрессивного аппарата в СССР,

особенно КГБ, поддерживался исключительно усилиями той жалкой кучки сластолюбцев и циников, буквально единиц политических мазохистов, типа Амальрика, Щаранского, Новгородцева, Буковского, Солженицына, Аксенова, Алексеевой, которые, ради получения небольшого денежного содержания на Западе в качестве диссидентов, демонстративно делали все необходимое, чтобы попасть в советскую тюрьму и, тем самым, дискредитировать СССР. Если кто-нибудь сегодня проанализирует передачи западных «голосов» в 60-80-е годы по поводу диссиден-

так же высоки, как и на всем цивилизованном Западе. Поэтому ни в 30-е, ни в 90-е, ни в текущие годы, переполненность тюрем ни у кого не могла и не может вызвать психологических потрясений. Сегодня не удается провести крупных акций в поддержку, например, Ходорковского, Карасева только потому, что большинство житейски опытных и трезво-

особенно КГБ, поддерживался исключительно усилиями той жалкой кучки сластолюбцев и циников, буквально единиц политических мазохистов, типа Амальрика, Щаранского, Новгородцева, Буковского, Солженицына, Аксенова, Алексеевой, которые, ради получения небольшого денежного содержания на Западе в качестве диссидентов, демонстративно делали все необходимое, чтобы попасть в советскую тюрьму и, тем самым, дискредитировать СССР. Если кто-нибудь сегодня проанализирует передачи западных «голосов» в 60-80-е годы по поводу диссиден-

тов, преследуемых в СССР за их словесную дикцию, то поразятся, насколько узок был круг их «клише», ничтожен состав авторов, годами непрерывно повторявших одно и то же.

Но особенно умиляет то, как отнеслись к заслуженным диссидентам демократы после захвата ими власти в РФ. Их перестали цитировать даже на Западе. По крайней мере, английская BBC тысячами сокращало рядовых сотрудников русской редакции. Как говорится, и эти мавры сделали свое дело.

Двигаясь по пути объективной ликвидации существенных социальных противоречий в обществе, СССР уже в начале 80-х годов достиг такого положения, что на улице Москвы невозможно было встретить милиционера в бронежилете или с пистолетом в кобуре, а тем более пресловутого «человека с ружьем». Мало сказать, что советского солдата, независимо от его национальности, одинаково тепло встречали и в Западной Украине, и в Чечне, и в Прибалтике. Казалось, что заболевание национализмом, как и туберкулезом, стало невозможным на территории СССР.

Характерно, что именно Московские олимпийские игры 80-го года стали одними из немногих за последние 30 лет, которые обошлись без террористических актов. Но самое «забавное», что на недавних Олимпийских играх именно в США террористический взрыв организовал... американский полицейский.

Широко известно, но не осмыслено, то обстоятельство, что в первой половине 80-х годов советская милиция и армия всё ещё не имели в своей экипировке ни резиновых дубинок, ни щитов, ни бронежилетов, ни спецсредств, которые, по мере успехов рыночной демократизации СССР, превратились в предмет первой необходимости не только для милиции, но и для инкассаторов, школьных охранников, бизнесменов и членов их семей. Десятилетиями западные «голоса» не имели материала для дискредитации социализма, поскольку отсутствовала такая повседневность рыночной демократии, как ежедневные заказные убийства, ограбления касс, банков и обменных пунктов, расстрелы инкассаторов. Даже в 1992 и 93 годах московская милиция выходила на избиение и разгон демонстраций, имея на головах каски... пожарников. Сегодня дело обстоит гораздо «лучше», демократичнее. По экипировке уже не только московскую, но и

украинскую, и грузинскую полицию легко спутать с американской, французской или германской.

Таким образом, ликвидация внутренней силовой структуры государственного аппарата в СССР шла, может быть, не так успешно, как, например, национализация земли, коллективизация и индустриализация в СССР, не с таким блеском, как освоение космоса или классического балета, но то, что милиция в СССР, даже в период застоя, все больше превращалась в организацию, лениво созерцающую порядок – очевидно сегодня многим, особенно если учесть то, с какой интенсивностью гибнут сотрудники МВД в годы разгула рыночной демократии. Достаточно сравнить остросюжетный сериал социалистической эпохи «Следствие ведут знатоки» с любым современным детективным сериалом, чтобы понять, как и в каком направлении трансформируется, так называемое, российское «гражданское общество».

Иначе говоря, в августе 1991 года, в истории народов, населявших СССР, произошел беспрецедентный по своему трагикомизму поворот от общества, идущего, пусть не очень стройно, но объективно, по пути к полной и безграничной свободе людей от влияния государственного аппарата, власти, к рыночному сообществу, в котором, вновь, **суд, тюрьма, насилие, государство, т.е. власть** являются обязательным элементом бытия, а «свобода» отождествляется, прежде всего, с красноречием ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ назначенных лиц (вроде Познера и Сванидзе) в СМИ, принадлежащих олигархам.

Содержание многочисленных анекдотов, которые взахлеб рассказывали друг другу «пикейные жилеты» периода «застоя» и «перестройки», свидетельствуют, что, с объективной точки зрения, Хрущев, Брежнев и последовавшие вслед за ним смертельно больные старики, Андропов, Черненко и безмозглый Горбачев, в силу старости или умственной неполноценности, не могли отправлять **властные** функции. Они уже физически и умственно были неспособны реализовывать **свою** политическую волю, поскольку это требует достаточно высокого уровня интеллекта и физических сил. А всего этого у последней плеяды генсеков, как раз, и не было. Иначе говоря, «рыба власти» в СССР начала открыто гнить с головы Хрущева, а уж в лице Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева, Лигачева, Ельцина, Зюганова фактически головой уже и не являлась.

Строго говоря, к концу 70-х годов высшие органы государственной и партийной власти в СССР по своим качественным параметрам представляли собой худший вариант **советов старейших**, весь авторитет которых определялся, следовательно, прошлыми заслугами, действительными и мнимыми, а не их способностью СИЛОЙ принудить общество двигаться в указанном направлении. Однако парадокс истории состоит в том, что именно период, когда страной управлял «совет старейшин», в том числе и недавно скончавшийся Байбаков, характеризовался полным отказом стран НАТО от силового воздействия на СССР и страны Варшавского Договора, устойчивыми темпами экономического развития, массовым строительством и бесплатным распределением квартир, которые сегодня можно купить только за миллионы. Этот период был прозван демократами «эпохой застоя», т.е. осмеянию подлежит тот момент истории, когда, как утверждал впоследствии в своем интервью АиФ'у шеф ЦРУ, Ричард Гейтс, экономику СССР невозможно было разрушить ни войной, ни гонкой вооружений. По словам Ричарда Гейтса, только завербовав высших чиновников в ЦК КПСС, можно было изнутри разрушить экономику СССР. Что и было сделано.

Как показывает практика 80-х годов, экономические реформы Андропова, мемуары Громыко, Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, именно они явились теми людьми, которые, обладая большими полномочиями, сознательно покатали советскую экономику в пропасть, из которой она не смогла выбраться, несмотря на все усилия Пугина. Лигачев, правда, хотел, конечно, «Как лучше...», но получилось, как у Черномырдина. Многие аналитики сегодня сходятся во мнении, что объем промышленного производства в современной рыночной демократической РФ пока не достиг даже уровня 1980 года, и практически нет доводов в пользу того, что этот уровень может быть достигнут в рамках выбранной экономической модели и стратегии развития РФ.

Как показала практика «перестройки», к середине 80-х годов, даже «страшное» КГБ и многочисленные «спецназы», ГРУ и Советская Армия из инструментов диктатуры пролетариата превратились в «конторы», члены которой занимались, в основном, вопросами личной карьеры, а не политическим и силовым обеспечением дальнейшего строительства коммунизма. Т.е.,

начиная с периода хрущевщины, диссиденты уже воевали с ветряными мельницами. Сегодня они выдают за примеры невероятной доблести и героизма ношение фиг в своих карманах, кухонные диспуты, примитивное и мелочное вранье Василия Аксенова в радиоэфире, понурое стадное молчание перед брызжущим слюной Хрущевым.

«Генсеки» уже **НИ У КОГО** не пользовались авторитетом и не внушали страх, не олицетворяли собой коммунистическую «власть», абсолютно не были похожи на руководителей-большевиков, ортодоксов революционного марксизма. Их ни в коей мере нельзя сравнивать ни с Лениным, ни со Сталиным, а уж по сравнению с властителями, действительно проявившими некогда классические образцы личной **власти**, они были сидельцами во властных креслах-качалках. Можно ли, хоть по какому-либо параметру сравнить властную практику, например, лично Брежнева, с властными проявлениями Дария, Александра Македонского, Цезаря, Чингиз-хана, Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Наполеона, Франко, Гитлера, Салазара, Ельцина? Невозможно.

Ельцин в своих мемуарах писал, как, однажды, стоя за спиной Брежнева и подсовывая ему на подпись бумаги о строительстве метро в Свердловске, он отмечал явные признаки дряхлости Брежнева и сетовал на то, что этим мажоритом пользуются все подлецы из его окружения. Жаль, что в этом окружении Ельцин не узрел самого себя и окружавших его подлецов.

Т.е., как это не парадоксально прозвучит, но к концу 80-х годов общество в СССР объективно было близко к тому, чтобы вся созидательная жизнь в стране, развитие производства, техники, культуры, искусства осуществлялись при минимальной роли политических, властных, т.е. силовых факторов, особенно вождей и властителей, чтобы СССР превратился в страну, в которой на шею народа практически не виснут ни три, ни, тем более, четыре ветви власти. Но, «что имеем, не храним, потерявши – плачем». «Благодаря» подсказкам многих «видных советских экономистов» эпохи «гласности», беллетристов и журналистов, значительная часть населения СССР предпочла немислимое, как в известном произведении Салтыкова-Щедрина, – вновь посадить себе на шею полноценное «правовое государство» с его **неистребимой**, ОРГАНИЧ-

НОЙ для государственной формы управления, коррумпированностью, бюрократизмом, унией с преступностью, войнами, переполненными тюрьмами и ордами «оборотней в милицейских погонах».

Как это часто бывает в истории, подавляющее большинство людей не заметило, что живет в стране, где нет никакой необходимости провожать детей в детские сады и в школы и можно не бояться насильников и маньяков, что можно в курилках рассказывать политические анекдоты и не иметь ни малейших последствий. Можно было посылать любого начальника на три буквы, бросать заявление об увольнении с работы по собственному желанию и устраиваться на любую другую работу.

Молодые парни не бегали от службы в Советской армии, поскольку демократическая дедовщина наметилась только к середине 80-х годов. Милиция не носила бронежилетов и не дежурила с автоматами. В городах СССР не гремели взрывы. Страна уверенно занимала первые места в мире по производству огромного перечня сырьевой, машиностроительной продукции, продуктов питания и предметов повседневного быта. Люди не знали, что такое безработица, банкротства, «финансовые пирамиды». Квартиры выдавались бесплатно в порядке очереди при самом большом в мире квартирном строительстве. Коррупции в этом вопросе не могло и быть, поскольку очередник заранее получал информацию о времени и месте будущего новоселья. Очереди за автомобилями, мебельными гарнитурами, хрусталем, коврами, изделиями из золота свидетельствовали, с одной стороны, о высоких денежных доходах населения, но с другой стороны о растущем идиотизме мешанства. Ушли из жизни граждан СССР типичные для рыночных стран массовый голод, эпидемии, массовые бездомность и безработица. Цены на все товары были стабильны, а если и росли, только на черном рынке.

Но факт остается фактом, чем дольше продолжалось строительство коммунизма, тем меньшую роль в этом процессе играли силовые факторы и, к началу «перестройки», и КПСС, и КГБ объективно и практически полностью утратили качества эффективных институтов силового воздействия. Оба этих «заведения» превратились в ничтожество. КПСС объективно перестала быть «партией меченосцев».

В этих условиях можно было пойти по пути

развития самоуправления при дальнейшей гуманизации всех сторон и форм общественных отношений. Но произошло временное, как уже бывало, умопомрачение масс, особенно интеллигенции.

Естественно, что процесс умирания государства и ликвидации институтов власти человека над человеком рассматривался классиками марксизма не как следствие процесса загнивания и полного упадка партии, а как процесс замены авторитета силы на силу авторитета специалистов-организаторов. Но, строго говоря, независимо от причин установившегося безвластия, оказалось, что в стране полно интеллигентов, одни из которых, по гражданской малограмотности, другие - исключительно «корысти ради», начали бороться за заполнение вакуума власти... властью «беспредела». Началась, как потом задним умом сообразил великий пуганик, режиссер Говорухин, «Великая криминальная революция». Власть, впавшей в детство, КПСС, была заменена тиранией паханата олигархов.

«Вдруг», когда страшная КПСС и «вездесущая» КГБ превратились лишь в номинально властвующие, никого уже не пугающие, а лишь несколько раздражающие своей беспомощностью, политические учреждения, когда, действительно, возникла историческая возможность освободить народы СССР от бремени политической власти посредством съездов народных депутатов, путем принятия законов направленных на совершенствование систем научного управления обществом, на постепенное уничтожение систем насильственного принуждения, на усиление систем воспитания и образования, «вдруг» большая часть интеллигенции в СМИ подняла истощенный вой о необходимости создания «правового государства», разделения и укрепления «ветвей власти» и, что самое идиотское, установления института ВЛАСТИ ХОЗЯИНА средств существования над наемными работниками.

В результате победы этой «перестройки» рухнул СССР, и теперь, вполне закономерно, мировые СМИ всё чаще говорят о приближении... третьей мировой войны.

Теперь победители «перестройки» с гордостью докладывают окончательно очумевшему обществу, как о большой победе, что им удалось довести **ВЫМИРАНИЕ**, т.е. абсолютное ежегодное сокращение численности населения России с 700 000 человек до 500 000 человек,

при рекордной детской бездомности и беспризорности, **но продолжают** тянуть прежнюю «вольнку» о сталинских репрессиях, при которых численность населения во всех республиках СССР устойчиво **РОСЛА**. За кого Вас держат, российских граждан?

Однако НЕ ЧИТАТЕЛИ МЫ...

Каждому взрослому психически здоровому дипломированному человеку кажется, что, в самых общих чертах, он знает, что такое «власть» и не спутает её, например, со стеариновой свечой. Поэтому нет особой необходимости на этом этапе углубляться в проблему сущности категории «власть», а можно исходить из того, что неспекулятивно настроенный читатель имеет верное, хотя и очень поверхностное, представление о власти и никогда не испытывал мазохистских желаний получить от своего властелина плетей, да побольше. Но, поскольку истина всегда конкретна, постольку, тех поверхностных представлений о сущности явления, которых бывает достаточно на «застойных» этапах развития общества, становится **катастрофически** недостаточно на трагических поворотах истории.

С этой точки зрения, едва ли не единственной **причиной** исторической трагедии трехсот миллионов граждан СССР, явилась научно-теоретическая **неграмотность** подавляющего большинства партийных и беспартийных **интеллигентов**. Советские рабочие и крестьяне, начиная с хрущевских времен, в отличие от сталинских пятилеток, просто строили что скажут, пахали, где укажут, мало задумываясь, к сожалению, над тем, куда, к коммунизму или капитализму ведет их КПСС, «пятидесятники», после своего XX съезда.

Если на время абстрагироваться от проблемы продажности большинства пишущей интеллигенции, то необходимо будет признать, - одна из гносеологических причин такого положения вещей состоит в том, что словарный запас человечества складывался еще в первобытном обществе, т.е. на обыденном, эмпирическом уровне постижения окружающего мира. Поэтому огромное количество слов, наиболее используемых сегодня, лишь приблизительно, очень

поверхностно охватывает и обозначает нечто туманное, что хранится в сознании в качестве первобытного представления о предмете. Поэтому множество слов, например, власть, богатство, справедливость, свобода, любовь, счастье, ... оцениваемых людьми в качестве важных, до сих пор не имеют научного, монистического толкования. В современном общественном сознании (по каждому подобному вопросу) господствует лишь «моё личное мнение», поразительно напоминающее то, что пропагандируют частные СМИ, мыльные оперы и т.п.

В этом смысле комично выглядят и рассуждения многих описывателей земли русской: Астафьева, Быкова, Бакланова, Гранина, Пастернака, Распутина и, конечно же, Солженицына... Достаточно вспомнить недавние солженицынские литературные «завалинки»: «Россия в обвале» или «Как нам обустроить Россию», чтобы понять, что мы имеем дело с Щукарем, лишенным чувства природного юмора, но тоже претендующим на «портфель» всероссийского обустроителя, освобожденного от всякой **ответственности** за сказанное и произошедшее. Солженицын до сих пор делает вид непонимающего, что в современной РФ он, как всякий «мавр», сделавший свое гнусное дело, никому уже не нужен со своими советами, тем более олигархам. Ни одна из существующих либеральных «партий» РФ не обращается к Солженицыну, как носителю ценных мыслей. Он был нужен «перестройщикам» лишь как своеобразный колун, чтобы наломать с его помощью как можно больше дров на территории СССР.

Солженицын на протяжении многих лет был знаменем всего антисоветского в СССР. Не было в СССР крупного вора, бандита, насильника, взяточника, предателя, который бы не поддерживал Солженицына в его антисталинизме и антисоветизме, не проклинал бы вместе с Солженицыным тот период в истории СССР, когда не только жертвы ложных доносов сидели в ГУЛАГЕ, но и настоящие горбачевы, мавроди, чубайсы, гайдары, невзины той эпохи. При Сталине воры, фашисты и другие разновидности паразитов тряслись от страха. Потому они и славословили Солженицына, как их морального защитника. Не было в стране негодяя, который бы не воспользовался именем Солженицына, как паролем, чтобы в любом реакционном, фашистском гнезде его приняли как своего. Ясно, что будь Гитлер

жив, то не только нобелевский комитет, но и гитлеровское руководство высоко оценило бы вклад Солженицына в возрождение всего грязного и больного на территории СССР.

Иными словами развал СССР и последующие гражданские войны в союзных республиках СССР, разгул в них терроризма, фашизма, туберкулеза, СПИДа и, вообще, многомиллионное вымирание некогда могучего советского народа - есть результат солженизма, о котором, честно говоря, Солженицын, поначалу, даже не подумал. Он просто мелко и лично мстил, а благими пожеланиями мостил дорогу для простых советских трудящихся в рыночный демократический ад, который, по своей человекоубойной продуктивности, оказался производительней всех фашистских «котлов» и освенцимских крематориев.

Почему некоторые люди становятся беллетристами или поп-поэтами, а не физиками или философами? Только потому, что стать современным поп-поэтом достаточно легко, как и поп-звездой. Достаточно иметь хорошую фотографическую память, повышенное либидо, небольшой синдром величия, запас синонимов, и молодой читатель становится писателем-романистом, как Аксенов или Войнович. Современным литераторам катастрофически не хватает научной образованности, философской культуры мышления, совестливого реализма, т.е. навыков адекватного отражения действительности. Они не учатся у литераторов прошлого, например, у Ломоносова, Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Тургенева, Чернышевского, Толстого, Горького, Шолохова, Маяковского, Серафимовича, действительно увековечивших себя качеством, масштабностью своих произведений. Все они творили не только поэмы и художественные романы, но считали естественным и обязательным для себя состоять в политической партии или обществе, не продаваться, отступать от научной истины, даже под страхом каторги, смерти или церковной анафемы, организовывать не только художественные издания и общества, не только критически постигать модные, но и создавать оригинальные исторические, философские, экономические концепции.

Но в годы перестройки многие современные писатели щеголяли своей принадлежностью к беспринципной «партии беспартийных». Они, не одолевшие и первого тома «Капитала», хвастались тем, что никогда **не понимали** марксизм.

Спрашивается, понимает ли смысл того, о

чем ведет речь, например, Валентин Распутин, если в своем недавнем интервью АиФ'у он так сформулировал претензию к современной российской действительности: «Власть у нас не укоренена ни в народ, ни в землю, ни в будущее».

Что можно сказать об умственных способностях человека, который пытается институт, возникший в обществе исключительно как инструмент **ПОДАВЛЕНИЯ** большинства **МЕНЬШИНСТВОМ**, как инструмент тиранов, «укоренить в народ и в будущее». Неслучайно Распутин не привел в пример РФ ни одной страны, где бы успешно произошло «укоренение» **власти** в народ и будущее. Любой, даже неписатель, легко поймет, если задумается хотя бы на минуту, зачем человеку, обладающему властью, укореняться, тем более в землю, если тысячи гектаров Земли в любой части света можно сделать своей собственностью. Это ли имел в виду Распутин? Существует ли большая степень «укоренения», чем покупка земли? Но как раз в этом смысле российская власть укоренилась самым основательным образом. Например, по информации «Ведомостей», один только Якобашвили владеет Волгоградской и Краснодарской землями на сумму не менее 100 000 000 долларов. Только Касьянову немного не повезло с тысячами гектаров Сосновки.

Вся историческая практика борьбы за власть вопиет, что ничего, кроме личных выгод от захвата власти, в институте власти не содержится и быть не может по определению и глубинной сущности этого института. А Распутин и К? призывает власть к «укоренению» вместо её искоренения, как Пушкин или Герцен.

Власть есть слово, принятое для обозначения самой реакционной, животной формы отношений людей, не предполагающих ничего, кроме решительного силового **ПРИНУЖДЕНИЯ** большинства к выполнению **любой** прихоти меньшинства. Синонимом слова «власть» является выражение - **агрессивный паразитизм**. Власть, как социальный институт, возникла и существует в неразрывной связи с институтом **паразитизма** меньшинства и является важнейшим условием существования **тирании** любой этиологии. Поэтому нужно обладать бездной услужливой наивности, предполагая, что может существовать где-то власть, которая способна «укорениться» «в землю и народ иначе как мечом и огнем.

Как можно было забыть историю, например, массового исхода за Дон крестьян России, стремящихся избавиться от власти даже самых «прогрессивных» царей и цариц? Нужно ничего не понимать в сущности вопроса о власти и в особенностях российской истории, чтобы родить трусливую утопию об «укоренении власти в народе» после всего, что написал по этому вопросу Салтыков-Щедрин. Немного найдется в мировой истории народов, которые, как русский народ, тоже поднялись бы на **пять** крупнейших крестьянских войн, суливших избавление русскому народу от власти феодалов и монархии. Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев – и это только наиболее известные предводители крупнейших крестьянских восстаний. А сколько локальных крестьянских восстаний полыхало на территориях российской империи?

Нужно мыслить крайне неряшливо, чтобы не заметить ту беспрецедентную борьбу, которую вели поколения российских крестьян на протяжении 300 лет дома Романовых за свободу от всякой власти. Иное дело, когда власть, силой оружия и большой кровью, была все равно уже навязана. В этих условиях крестьянам хватало ума создать мечту о власти, в которой не было бы места самой власти, т.е. тирании, и нести эту мечту в ряды пролетариев, по мере реализации, например, столыпинской земельной реформы...

Это прекрасная черта ментальности русского крестьянина, продукт природной сметливости - наделять власть несвойственными ей функциями: добротой, умом, совестью, честью и, следовательно, недостижимыми для власти ориентирами, тем самым, морально уничтожая авторитет существующей власти над собой. В истории рабовладения, феодализма и капитализма нет прецедента, чтобы власть объявила ум, честь и совесть «краеугольными камнями» своего государственного устройства. Религия, меч, тюрьма и деньги - такова основа всех исторических типов и институтов власти в России до большевиков.

Распутин считает себя писателем земли русской, но не понимает важнейшей черты русского характера и, следовательно, тех причин, по которым русский народ, последним из европейских народов, сделал вид, что верит в библейские сказки, и поддался обряду крещения. Он дольше многих иных народов продержался в рамках общинного землепользования и до сих пор

сохраняет местами колхозы и совхозы. Как показала история, он не пошел под власть папы римского, да и без собственных патриархов прошел славную светскую и советскую историю, за которые его клянут лишь наши российские СМИ. Нет признаков и того, что рождество и пасху русский народ отмечает с большей душевностью, с большей радостью, чем масленицу. Закономерно, что русские люди предметнее других народов прокладывали дорогу к светлому общинному будущему всего человечества, что именно русские, по мнению Сталина, сломали хребет европейскому, а фактически мировому, фашизму, что именно Юра Гагарин стал первым космонавтом планеты. И этому, вполне адекватному народу предлагается возликовать, если, вдруг, со скандинавских или голштинских гор в Россию вновь спустится власть, которая, оставаясь властью, укоренится в землю, в народ и в будущее.

Т.е., прожив в СССР большую часть жизни, имея возможность свободно изучать марксизм-ленинизм, понять причину возникновения, историю и сущность института власти на Земле, Распутин и иже с ним не использовали эту возможность, а прятались по деревням вместе с Астафьевым, Быковым, и другими лжепочвенниками подальше от всего нового, революционного, напускали словесного тумана в своих столь же многозначительных, сколь и мелких литературных фотографиях «Матренина двора», не замечая уникальной советской действительности.

Образно говоря, в ходе исторического выбора между коммунизмом и возвратом к Яме, т.е. шеренгами проституток на Тверской, основная масса литературной интеллигенции сделала выбор в пользу изобилия проституток на Тверской-Ямской, поначалу не подозревая, что тем же самым будут заниматься и их дети, и жены. Т.е. инженеры душ человеческих, как и пропагандисты КПСС, многие из которых имели университетские дипломы, не сумели и не хотели выполнить свою историческую миссию: соединить рабочее движение с научной мыслью. По крайней мере, ныне всеми забытый пропагандист «длинного рубля», Н. Травкин, после окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС, в одном из своих многочисленных телеинтервью периода «гласности» выразился частушкой: «Спасибо партии родной за трехлетний выходной». Ясно, сколь «интенсивно» нагружал свои извилины Николай Травкин, прожигая вечера в мос-

ковских забегаловках вместо библиотеки.

Поэтому, каждая слезинка, пролитая миллионами ребячьих глаз на землю бывшего Советского Союза после августа 1991 года, лежит на совести, прежде всего, тех, кто кичился своей дипломированностью. Безжалостная статистика, как и бессердечная рыночная свобода слова, холодно констатируют, что каждый седьмой человек в РФ, кончающий жизнь самоубийством, - ребенок. Всего же в результате демократических реформ и усилий министерства образования, направленных на совершенствование ЕГЭ, ежегодно попытку суицида предпринимают 35-40 тыс. подростков. Но в этих кошмарных условиях ни у партии «Яблоко», ни у министерства образования не возникает никаких предложений, направленных на сохранение жизни детей.

В годы т.н. «гласности» почти все «видные» советские писатели, актеры, журналисты, режиссеры, экономисты, технократы, как с цепи сорвавшись, сетовали на беззаботность жизни советских подростков, на то, что наблюдались случаи игры детей в футбол коркой хлеба, дескать, зажрались детки при социализме. Началась пропаганда прелести «хозрасчета», конкуренции, пособий по безработице и других «воспитательных средств» рыночной свободы. Поначалу странно было видеть интеллигентов-экономистов, сетующих, как заправские плантаторы Юга, на то, что дети, рабочие и колхозники СССР не хотят работать так же интенсивно, как это умеют делать пролетарии, например, Запада, Японии, Южной Кореи. Надо, писали многие интеллигенты, например, Шмелев, Лисичкин, Заславская, Пияшева, заставить и наших рабочих, женщин и детей трудиться именно так, как трудятся японцы при капитализме.

Однако, несмотря на многолетнюю разлагающую пропаганду со стороны рыночной интеллигенции, положительная реакция основной массы населения и руководства всех союзных республик, даже Прибалтийских и Закавказских, на всенародный референдум 17 марта 1991 г., на события 19 августа 1991 года показала, что народ рад был бы порвать с идиотизмом Горбачева и Ельцина, и что КПСС могла бы удержать «власть» даже в 1991 году, если бы хоть один член ГКЧП знал, что такое демократическая власть и «власть» КПСС, в чем их сущность, как приобретают, а как удерживают. Убогое содержание мемуаров членов ГКЧП, вышедших

впоследствии, убедительно доказывает это. Члены ГКЧП были честны, слезливы и совестливы, но политически неграмотны и наивны.

Как известно, Советская экономическая система, даже в годы «отрочества» дважды в своей истории ВЫДЕРЖАЛА беспрецедентное нашествие всех развитых рыночных государств мира. Это было возможно лишь потому, что в основу политики Ленина и Сталина была положена **наука**, т.е. то, что ни при каких условиях не могли заложить в основу своей стратегии ни Рузвельт, ни Черчилль, ни Гитлер. Более того, практически вся буржуазная экономическая «наука» посвящена как раз доказательству превосходства «невидимой руки рынка» над научным планированием развития экономики. Так что, научность была основным победоносным секретным оружием большевиков, которое было нетранспортабельно для агентов империалистических держав. «Чертежи» этого «оружия» невозможно было ни скопировать, ни применить, не уничтожив, тем самым, рыночную демократию.

Но, множество признаков говорят о том, что Сталин, к сожалению, был последним партийным руководителем в СССР (а, скорее всего, и в мировом масштабе), который глубоко и обширно изучил труды Аристотеля, Макиавелли, Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина по вопросам экономики, философии власти и «власти», творчески их перерабатывая и применяя на практике. Все последующие «генсеки» и их соратники в теории марксизма фактически не разбирались.

Однако у беспартийной «интеллигенции» может возникнуть иллюзия, что безграмотность в вопросе о власти есть удел исключительно околопартийной «интеллигенции». Но, если бы беспартийные «интеллигенты» разбирались в вопросах власти, то они не плакались бы последние 17 лет о своей горькой судьбе, маленькой зарплате и пенсии, наглых мошенниках, коррупционерах, о «сгоревших» вкладах и т.п. последствиях **безвластия** мелкой интеллигенции. Достаточно посмотреть на последние публикации некогда популярных диссидентов, например, Максимова, Синявского, Розановой, Солженицына, Зиновьева, чтобы увидеть в них прямое признание их некомпетентности в вопросе о власти, как, впрочем, и во многих других серьезных вопросах. В их текстах в изобилии встречаются черномырдинки: «Мы хотели, но...», «Мы думали, но...» «Мы призывали, но...». Так что, есть достаточ-

но оснований утверждать, что масс-интеллигенция пока не располагает знаниями о коренных проблемах феномена власти, а потому не может избавить сама себя от унижительного положения по отношению даже к «видеопиратам» или отказаться от роли «содержанки» закрытых мальчишников российских нуворишей и их сауна.

Трагикомичное в судьбах многих интеллигентов состоит в том, что они, как Моськи, всегда лишь облаивали партийную «власть», но, на самом деле, почти как опереточный «мистер Икс», остервенело желали войти в круг «сильных мира сего», взять власть в свои руки, «поругать» с трибуны, хотя не имели ни малейшего научного представления о природе власти. Им всегда хотелось вершить историю, не задумываясь о последствиях и не неся никакой ответственности за результаты.

«Поэт в России, больше чем поэт», короновал сам себя Евтушенко. Даже Сахаров, потративший десятилетия на критику «всевластия» КПСС, и года не прожил, оказавшись у руля законодательной власти в «террариуме единомышленников» - демократов. Столь же решительно истинные демократы избавились и от Старовойтовой, и от Ющенко, и от Щекочихина.

Те же из политиков XX века, кто подолгу, а часто, и вопреки конституциям, задерживался у власти в капиталистическом мире (Муссолини, Гитлер, Франко, Салазар, Рузвельт), разумеется, имели кое-какие адекватные **прагматические** представления о механизмах захвата и удержания власти, но не понимали объективной сущности данного феномена, а потому не имели шансов, хотя и страстно желали приостановить как процесс крушения своей собственной тирании, так и процесс общего кризиса капитализма. Поэтому вовсе не случайно, что, параллельно с процессом развала СССР, именно в недрах Всемирного совета предпринимателей рождались геноцидогенные упаднические теории удержания власти олигархов на Земле: концепции «Золотого миллиарда», позже - «Устойчивого развития», а Соросу пришлось добровольно написать книгу «Кризис мирового капитализма», в которой им были рассмотрены важные объективные причинно-следственные связи, исключаящие оптимизм при взгляде на будущее капитализма (даже не слишком отдаленное).

Следовательно, если даже предположить, что где-то существует безукоризненная для всех вре-

мен теория власти, то и тогда нет никаких оснований рассчитывать, что именно **институт власти** способен остановить историю человечества на «нужном» для власти рубеже или направлении.

Историю общества определяют тенденции **развития знаний** об объективной действительности в широком смысле слова, а вместе с ними и развитие **производительных сил общества**, главным элементом которых является развивающийся, адекватно мыслящий человек. Динамично развивающимся **производительным силам** общества, прежде всего, самим **людям**, становится «тесно» в рамках существующих форм экономических **отношений** в то время, когда основной задачей **власти** и является **насильственное** удержание людей в рамках реакционных отношений. Поэтому, строго говоря, власть есть синоним слова **конфликт, антагонизм**.

Там и тогда, где и когда возникал конфликт между характером развития производительных сил и отжившими экономическими отношениями, там неизменно на первый план выступал феномен власти консервативного меньшинства над развивающимся большинством и наоборот. Иной логики не было и не может быть в обществе, где уже более пяти тысяч лет горит перманентный конфликт между узкой кучкой владельцев частной собственности, «замачивающих» друг друга при каждом удобном случае, и широкими массами населения, лишенными средств существования.

Победители в этой борьбе, т.е. очередная властная группировка, торопясь насладиться плодами текущей победы, в свою очередь, динамично пестовали силу, которая, будучи призванной производить и множить материальные и духовные радости для обладателей власти, на самом деле, объективно зрела для нового раунда в цепи исторических конфликтов.

Все исторические акты смены общественно-экономических формаций были, с одной стороны, продуктами объективного развития производительных сил, но с другой стороны, актами **борьбы** за власть между предыдущим и грядущим поколениями **тиранов**. Поэтому, как отмечали классики марксизма, вопрос о власти был всегда коренным для эпохи частной собственности и только коммунисты попытались создать принципиально новую систему социальных отно-

шений между людьми, свободную от посредничества института власти. Дело шло и идет до сих пор, но очень трудно, поскольку бороться приходится с вековыми привычками, этическими штампами и невежеством миллиардов.

Многие, называющие себя марксистами, так и не поняли, что Маркс, говоря обо всей ПРЕДЫДУЩЕЙ истории человечества как истории борьбы классов, имел в виду не только и не столько борьбу рабов против рабовладельцев, борьбу крестьян против феодалов или борьбу пролетариев против капиталистов, хотя и высоко ценил эти всплески человеческого в забытых массах. Под историей классовой борьбы он, прежде всего, имел в

виду борьбу класса рабовладельцев против первобытных общин, борьбу класса нарождающихся феодалов против рабовладельцев, борьбу класса начинающих предпринимателей против феодалов. Борьба эта всегда велась

лишь ради отнятия власти у пока ещё господствующей группировки тиранов, но не ради устранения института власти вообще, а ради смены персон на «троне». Ведь только после «восшествия на трон» молодого класса новых тиранов мог начинаться процесс приватизации их дворцов, порабощения ВСЕХ производительных сил общества, ВСЕХ свободных людей новым, более эффективным типом тирании.

Ясно, что без опоры на институты власти, т.е. на преторианцев, янычар, штурмовиков, «национальную гвардию», национальные тюрьмы, национальные спецслужбы, национальную полицию, осуществлять тиранию над своей нацией - невозможно. Ясно и другое, что именно новый нарождающийся класс эксплуататоров только и мог быть активным и изобретательным в борьбе за власть над своей нацией, поскольку очень

предметно осознавал все выгоды от обладания ветвями власти. Историческая наука свидетельствует, например, что борьба рабов, всегда велась не за власть, а лишь за личную свободу. Всплески этой борьбы - есть редчайшие эпизоды истории, отдаленные друг от друга многими веками рабской покорности или известным библейским исходом. Крестьянские восстания тоже велись ради свободы от феодалов, а не захвата крестьянами власти. Да и пролетарии сами по себе веками не поднимаются выше уровня экономической борьбы.

И наоборот, история любого аристократического рода, монархического дома, предпринима-

тельского клана, демократических вождей, есть история непрерывной борьбы именно за власть как важнейшую предпосылку максимизации доходов той или иной семьи аристократов, олигархов, демократов.

Иными словами, поскольку именно господствующие классы являлись носителями образованности, то им была присуща и наибольшая изощренность, инициативность и предельная кровопролитность их политики борьбы за власть. В эпоху английских, французских, американских «Великих буржуазных революций» штучное применение ядов, мастеров «плаща и кинжала» было заменено демократическим, поточным повешением аристократов, организованной рубкой их голов, в т.ч. и на гильотине. Т.е., если даже массы необразованных крестьян раз в несколько веков созревали для борьбы против власти феодалов, то нарождающийся класс предпринимателей использовал этот порыв безграмотной массы, для замены религиозно обоснованной тирании феодальных аристократов, националистически обоснованной властью предпринимателей и с теми же целями. Поэтому, если кто-либо

найдет хоть одно отличие феодальной земельной собственности от буржуазной, то это будет огромной удачей.

А, как известно из теории коммунизма, целью коммунистической революции и коммунистической организации общества, впервые в истории человечества, является не захват власти коммунистами вместо класса капиталистов, а оказание производительным силам общества «первой помощи» (политической, руководящей и направляющей) в их **САМОДЕЯТЕЛЬНОМ** движении по пути к коммунизму, объективные предпосылки которого даже в феодально-монополистической России вполне созрели уже к октябрю 1917 года.

Поэтому Ленин никогда не ленился писать длинно: «диктатура рабочего класса», когда вел речь о сути политического устройства общества в **переходном** периоде, о том, что и кто придет на смену власти буржуазии. Он редко употреблял даже такое распространенное в те годы выражение как «диктатура пролетариата», сознавая недостаточное его соответствие диалектической логике. Разумеется, Ленин иногда использовал и слово «власть», но это только потому, что обыватель царской России, составлявший большинство ее населения, власть околоточного надзирателя принимал и понимал лучше словосочетания «диктатура рабочего класса» и даже в 1905 году наивно ходил просить реальную власть, т.е. главного тирана России, улучшить жизнь рабочих и крестьян.

В силу этого и ряда некоторых других объективных обстоятельств, какой бы развитой ни была теория власти рыночного сообщества, какой бы успешными не казались примеры из практики пробуржуазных политиков, - эти знания для коммунистов не имеют никакой конструктивной ценности. Эти знания лишь раскрывают глаза на тираническую сущность рыночной политической системы. Их необходимо знать, но понимать, что эти средства неприменимы для строительства коммунизма в той же мере, в какой невозможно кузнечным молотом производить, например, качественные лицевые пластические операции.

И если читатель признаёт, что коммунизм есть форма отрицания капитализма, что капитализм и коммунизм - это антагонистические противоположности, то придется признать и абсолютный вывод, вытекающий из данного обстоятельства: **ни одна из форм общественных**

отношений, органичных рыночному демократическому капитализму, не приемлема в полном коммунизме, даже демократический централизм

В той же мере, в какой институт военно-политической, жандармской формы власти, говоря медицинским языком, для капитализма жизненно показан, в той же мере, подобные институты власти для дела строительства коммунизма - смертельны, что и показала «перестройка». Советская Армия, милиция, КГБ, которые 19 августа 1991 года без малейшего энтузиазма и убежденности вышли на улицы Москвы, формально выполняя приказы ГКЧП, они же 22 августа 1991 года, как полноценные предатели, приняли новую общественно-экономическую систему, а уже 23 февраля 1992 года, вновь, как и в 1905 году, зверски избивали ветеранов ВОВ, участников коммунистической демонстрации на проспекте им. Горького.

Капитализм не может развиваться, тем более интенсивно, если опережающими темпами не укрепляется совокупность институтов власти, их военно-техническая база.

Если же в ходе строительства коммунизма возникает речь о необходимости укрепления социалистического государства, ужесточения работы органов государственной безопасности и охраны правопорядка, то это свидетельствует лишь о том, что строительство коммунизма практически прекратилось.

Правда, эта закономерность не распространяется на **ПЕРЕХОДНЫЙ** от капитализма к коммунизму период, пока существует внешняя угроза и внутренняя контрреволюция. В переходный период классы, теряющие власть, озверело дерутся за восстановление своей власти и поэтому не могут обходиться без вооруженного терроризма. Но когда интервенция отбита, когда внутренняя контрреволюция уже сама сбежала за рубеж или депортирована, наступает период, когда не сила оружия, а исключительно уровень научности коммунистической организации жизни общества придает ему устойчивость и перспективность.

Ничуть не преувеличивая, необходимо признать, что СССР победил в ВОВ не потому, что была сильная Красная Армия, а потому, что Сталин успел перевести большую часть производительных сил страны в русло именно коммунистических производственных **ОТНОШЕНИЙ**,

придавших экономике и населению беспрецедентную для мировой истории экономическую стойкость и социальную монолитность. Во всех фашистских мемуарах сквозит панический страх авторов перед, непостижимым для их сознания, фактом: нарастание большевистского танкового, авиационного, артиллерийского вала после двух лет «сокрушительных», как казалось гитлеровцам, военных поражений, территориальных, производственных и людских потерь.

Но большинство современных коммунистов настолько примитивно понимают суть диаматического учения о «власти», что увлекаются примитивным словесным бланкизмом, практическим бернштейнианством или, участвуя в рыночной парламентской бодяге, пытаются убедить избирателей, что коммунисты смогут организовать власть, **в условиях рыночной экономики**, даже лучше, чем сама буржуазия. Такими настроениями сегодня особенно грешат Зюганов, Примаков, Симоненко и Миронов. На этом же пункте вот уже более 100 лет «спотыкаются» коммунистические партии практически всех развитых европейских капиталистических стран, так и не научившиеся извлекать уроки из своих многочисленных парламентских побед и следующих за ними обязательных поражений. Совершенно оппортунистичен третий поход Зюганова на выборы президента РФ, как и все объявленные им пункты программы – очередное, третье тому доказательство.

Вывод

Невозможно решить вопросы коммунизма, если попытаться вывести его теорию НЕПОСРЕДСТВЕННО из теории рыночной формации. Теория коммунизма рождается как **отрицание, критика** теории и практики капитализма, как замещение НЕнаучной совокупности принципов рыночного самодурства хозяев, системой научных знаний, в которой содержание законов экономического развития, адекватно объективной социальной реальности. Поэтому, находясь на позициях диаматики, вопрос о власти как общественном институте необходимо решать на основе требования законов диаматики: единства и борьбы противоположностей, взаимосвязи количественных и качественных изменений и, самого сложного для постижения, закона **отрицания**

отрицания, т.е. творчески, новаторски.

Как показала **практика**, к сожалению, во всем социалистическом содружестве в конце 80-х годов не обнаружилось остепененных экономистов, которые бы обратили внимание на то, что основной труд Маркса, «Капитал», помимо этого названия, имел подзаголовок, «Критика политической экономии», прямо указывающий на целенаправленное отрицание Марксом теории и практики капитала. Но отрицать капитал можно только тогда, когда существует полное научное представление о предмете отрицания, т.е. о сущности самого капитала. А поскольку ни один буржуазный классик, даже Рикардо, не мог рассмотреть капитал с абсолютно научных позиций, постольку Маркс был вынужден проделать эту часть работы и за него. Нужно было, как говорил сам Маркс, сначала уяснить вопрос для самого себя. У Маркса на это ушло более 20 лет. Кроме Энгельса, Ленина, Сталина, Ким Ир Сена вряд ли был еще один человек, среди называвших себя коммунистами, способный на подобный подвиг.

Но объем и глубина исследования капитала оказались столь выдающимися (на фоне всего того, что до сих пор выработало человечество), что проблема **КРИТИКИ политической экономии** для многих оказалась несколько в тени исследования **содержания** капитала как такового. И потому именно марксова **критика** политической экономии оказалась наименее понятой основной массой советской интеллигенции. О том, насколько коммунисты поняли экономическую теорию Маркса, можно оценить, например, глядя на судьбу бывшего обладателя стипендии им. В.И.Ленина, выпускника Военно-политической академии, золотого медалиста, Н.Ф.Карасева, ныне находящегося под следствием за квартирное мошенничество в особо крупных размерах. Не далеко ушел от него и Юшенков, тоже отличник ВПА им. Ленина. Так работала «кузница» советских комиссаров накануне своей позорной кончины.

Т.е., до революции, Ленин был едва ли не единственным в РСДРП человеком, исчерпывающе разобравшимся в сущности марксовой **критики** рыночной экономии, которая не функционирует иначе как политическая. Именно поэтому основным содержанием октябрьского политического переворота и было разрушение **политической системы власти** буржуазии, поскольку

ку она и является пресловутым ее «кощевым яйцом». Но слом институтов власти буржуазии вовсе не означал, что наступил момент утверждения именно власти большевиков, а не института, который бы по своей сущности был бы отрицанием именно власти человека над человеком. С точки зрения логики, коммунизм и власть, это типичные «сапоги всмятку». Если есть какая-либо форма власти, то еще нет коммунизма. Если есть коммунизм, то уже нет ни власти, ни политики.

Классики марксизма рассматривали, как наиболее комфортный для революционеров-практиков, вопрос **одновременности** свершения коммунистических политических переворотов во всех странах потому, что в этом случае повсеместно уничтожается политическая система буржуазии, без которой буржуазия составляет убогое меньшинство населения, не превышающий процент «даунов» и, следовательно, физически неспособное на контрреволюцию. В этом случае рабочие **всего мира** и работники преимущественного умственного труда могли бы, не растрчивая силы на борьбу с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией, приступить к преобразованиям непосредственно коммунистического характера.

О том, что задачи политического характера (слово буржуазной властной машины) не являются для коммунистов определяющими, а тем более, конечными, Ленин многократно писал и говорил. В частности, он не раз указывал, что из всех задач, которые должны решить коммунисты, слом старой политической власти – задача самая **легкая**.

Самая ТРУДНАЯ задача, от которой зависит судьба коммунизма в России – это создание **чрезвычайно сложной, чрезвычайно тонкой системы НОВЫХ, коммунистических отношений между людьми**. Ключ к успеху строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране, Ленин видел в стремительном подъеме качества партийных кадров, в их умении превратиться в своих и, в то же время, авторитетных людей в рабочей и крестьянской среде, в умении коммунистов использовать для решения технических задач образованную и избалованную интеллигенцию России, которой Ленин предлагал платить любые деньги, лишь бы ублажить это капризное сословие. Но большая часть демократической интеллигенции предала русских рабочих и крестьян, а убежденные бо-

гословы России не нужны были и даром.

В работе Ленина «Очередные задачи Советской власти» как раз минимум места посвящено проблеме власти, поскольку в традиционном смысле слова она уже была отнята у буржуазии. Ленин без какого-либо восторга отмечает умение коммунистов осуществлять «национализацию», «красногвардейскую атаку на капитал» и первые успехи большевиков на ниве создания кое-какой военной организации. Ленин был до крайности озабочен полным неумением профессиональных революционеров, коммунистов решать практические задачи строительства коммунизма, управления национализированной экономикой. Подавляющая часть этой работы содержит конструктивные рекомендации Ленина по налаживанию коммунистических основ самоуправления общества, переустройства экономических отношений, которые только и могли придать диктатуре рабочего класса устойчивость.

В свое время, определяя, что для коммуниста приоритетнее, Энгельс писал, что пусть лучше о коммунистах думают как о трусах, чем как о дураках. Поэтому и Ленина совершенно не волновало, как будет выглядеть «большевистская власть» в связи с её брестским компромиссом. Ленин пошел на уступки в политике, чтобы использовать выигрыш во времени для осуществления технических мероприятий по организации реальной диктатуры рабочего класса в сфере материального производства, следовательно, для придания коммунистическим преобразованиям в экономике необратимого характера и, таким образом, приобретения реальных преимуществ над мировой контрреволюцией. Это и предопределило победу рабочих и крестьян Советской России над белогвардейцами и их иностранными спонсорами.

Однако историческое культурное наследие царской России оказалось таковым, что именно ленинскую задачу по поголовному превращению храбрых неучей в умных коммунистов, решить удалось лишь отчасти. Много светлых и умных голов было истреблено в СССР руками троцкистов и фашистов. А с наступлением хрущевской «оттепели» дело восстановления поголовья митрофанушек, троюковых, скотининых «мальчишей-плохишей» в СССР пошло на лад. «Перестройка», нанеся окончательный удар по социалистической культуре и науке в СССР, породила миллионные стада обманутых дольщиков, вкладчиков, гастарбайтеров.

По мере либерального одичания народных масс все забавнее смотрятся абсурдные усилия демократической интеллигенции, направленные на укрепление власти взяточосбирателей земли русской для защиты населения от маньяков различной этиологии. Растет число молодых людей окончательно утративших надежду разобраться в перспективах развития российского общества. Но пока дальше суицида (в своем отрицании демократических ценностей) они не идут, поскольку большинство коммунистов сами еще не освоили марксизм настолько, чтобы справиться с ролью авангарда и чтобы о коммунистах говорили как о людях ума, чести и совести.

Как ни странно, но в коммунистическом движении всегда было много хитрованов, которые и под красным знаменем любят постоять, особенно когда коммунисты у «власти», и баррикады строить, и даже в «красногвардейскую атаку на капитал» пойдут, но подняться в атаку на собственное невежество их не смог заставить даже Сталин.

Иначе говоря, в коммунистическом движении и в ленинские времена и сегодня преобладает тип членов, которые, по меньшей мере, ленятся заниматься самообразованием. Они не хотят напрягаться на этом поприще так, как это делали Маркс, Ленин, Сталин, которые не стеснялись говорить, что только тот, кто не страшась усталости, карабкается по каменистым кручам науки, достигнет сияющих научных вершин и сможет преобразовать общество на научной основе. Невежественные, умственно ленивые члены партии коммунистов, вот главная современная беда всего коммунистического движения. Несколько успокаивает лишь, то, что ни при каких условиях у буржуазии нет шанса решить научно вопрос о сохранении своей власти навечно.

Однако общеисторический повод для оптимизма все же есть. Некогда всесильная система буржуазной, феодальной, религиозной власти ветшает под грузом собственных проблем, деградирует в условиях, когда уровень образованности и развитости людей медленно, неуверенно, но растет даже в Европе, несколько превзойдя уровень образованности людей эпохи, на-

пример, Возрождения, достижения которой и привели мир к победе рынка, а затем и к первой мировой войне.

А ведь не так давно уровень образованности людей был столь низок, что не только папе римскому, но и многим рядовым верующим казалось, что святая инквизиция - необходимый орган, без которого сатана очень скоро овладеет их душами и, «следовательно», всем миром. Здоровенные мужики искренне боялись ведьм, не понимая, что сжигание женщин на кострах на самом деле было данью сексопатологическим наклонностям многих представителей религиозных верхов.

Слава объективной действительности! Сегодня даже папа римский обходится без инквизиции и, оказывается, что, не сжигая ни одной «ведьмы» в течение нескольких столетий, Европа продолжает оставаться сытой и толстой духовной задницей мировой цивилизации.

Пока, у людей хватило образованности, чтобы отказаться только от услуг инквизиции в том виде, в каком она существовала не одно столетие. Но, «еще не вечер»... Еще будет не очень поздно, когда граждане поймут, что в истории человечества не только инквизиция, но и демократия играла, прежде всего, роль душителя свободы **для большинства** людей, поскольку она не может функционировать и часа без полиции, армии, суда, тюрем и т.п. институтов демократической «свободы».

В этих условиях коммунисты много выиграют, если, во-первых, выполнят, наконец, конкретно и предметно, требование Ленина: «Учиться коммунизму» и, во-вторых, подумают, чем заменить институт буржуазной власти, когда власть буржуазии в очередной раз полностью исчерпает себя.

То, что умные образованные люди не согласятся зеркально повторять опыт КПСС, особенно горбачевского периода, ясно. Но они не пойдут и в ту партию, которая окажется неспособной ответить научно ясно, доходчиво на подобные вопросы, сколько бы раз слово «коммунистическая», «революционная» или «большевистская» не повторялись в названии партии.

Март-апрель 2008

ДАВАЙТЕ ЧТО - НИБУДЬ ПОДЕЛАЕМ ¹ ЛЕВЫЙ АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ И ЕГО БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ

*Лиза Фазерстоун, Дуг Хенвуд
и Кристиан Паренти
Перевод - Александр Лбов*

«Мы не можем себе позволить увязнуть в болоте анализа» - сказал нам один активист на антивоенном ралли прошлой осенью, выплевывая последнее слово как огненный шар. Должно быть, он ослабил свою бдительность. Эта акция ловко обходило подобные болота, громко противясь бомбардировкам США в Афганистане, и не предлагала никаких идей, способных внушить доверие (не считая того замечания, что все это было делом рук Unocal and Lockheed Martin, таков был «анализ», предложенный многими ораторами). Но ситуация предполагала, что надо делать что-то большее, чем реклама все тех же старых лозунгов – «Остановите бомбежку» и «Нет войне за нефть» - которые активисты вздымали к небесам во время войны в Заливе². Последняя война призывала к размышлениям, но лишь немногие приложили для этого достаточно усилий.

Итак, что же такое – идеология левых активистов (под «левыми» мы имеем в виду выступающих за глобальную справедливость, свобо-

ду слова, общественную самоорганизацию, экономических популистов и «зеленое» движение)? Социалисты? В большинстве своем нет – слишком боятся института государства. Некоторые активисты являются анархистами – но большинство без темпераментных привычек, без определенных идей. Остальные – это либералы – большая часть которых настроена слишком конфронтационно и слишком скептически к системе, чтобы принимать это название. И многие не исповедуют вообще никакой идеологии. В итоге получается, что левые активисты – это недоразвитая, «пост-идеологическая» масса «доброхотов», прагматиков или марионеток?

Нет. Молодежь, доставляющая сегодня беспокойство, имеет идеологию, и эта идеология так глубоко ощущается, и так широко охватывает все стороны их жизни, как великие системы идей прошлого. Кадры, которые пропагандируют эти бесконечные митинги, которые стучат в барабан, которые руководят этими «упражнениями» и раскрывают своих мари-

1. **“Action Will Be Taken: left anti-intellectualism and it’s discontents”** www.leftbusinessobserver.com/Action.html . Статья первоначально опубликована в 2002 году в еженедельнике «Radical Society», органе, издаваемом группой нью-йоркских преподавателей, а затем многократно перепечатана различными зарубежными социалистическими, лево-либеральными изданиями. Авторы – известные публицисты социалистической ориентации.
2. Имеется в виду операция «Буря в пустыне» 1991 года. (здесь и далее прим. пер)

онеток, безусловно, имеют свой символ веры. Их кредо – «активизм»³.

Именно так, а сами они – «активисты». Эта новая идеология совмещает в себе невежество сверхсредней американской культуры со всем темпераментным крестоносным рвением 19 века. С этой точки зрения, все дороги в мире ведут к все большим успехам активизма и увеличению количества самих «активистов». Согласно этому мировоззрению, только тот, кто действует, является праведником. Похоже, «активисты» заимствовали свою философию у хозяина фабрики - персонажа рассказа Генриха Бёлля, который каждое утро приветствовал своих работников проповедью со словами: «Давайте что-нибудь поделаем». В ответ на которую рабочие послушно отвечали: «Что-нибудь поделаем!»

Активисты повторяют за боссами? Эта параллель не столь далеко заходит, как может показаться, согласно другому немцу, Теодору Адорно. Адорно, который, несомненно, с той поры, как он натравил полицию на демонстрирующих студентов Франкфуртского университета в 1968, не может считаться безоговорочным авторитетом в вопросе об активизме, тем не менее, обоснованно критиковал студенческое и антивоенное движение за то, что он назвал «акционизмом». С его точки зрения это было неразмышляющее коллективное маниакальное стремление к позитивному, которое позволяет себе немедленную трансляцию в практику. Таким образом, с точки зрения людей, которые полагают себя радикальными агитаторами, это бездумное стремление отражает прагматический опыт доминирующей культуры – «не самый короткий путь, которым «акционизм» так хорошо вписывается в господствующую систему общественных отношений». «Акционизм» - он заключал, - «регрессивен... он отказывается задуматься о своем собственном бессилии».

Может показаться странным ссылаться на эти слова в то время, когда «активизм» кажется вполне работоспособным. Протесты на подъеме, даже развернувшаяся после 11 сентября истеричная террористическая травля не заставила движение замолчать. Демонстранты были достаточно сильны, чтобы протестовать против

Мирового Экономического форума с достоинством и дисциплиной, которые поддерживали воодушевление по всему миру. Молодежь, которую полиция избивала, травила газом и затаскивала в участок, противопоставляла свои тела глобальному капиталу, они проявили храбрость и преданность, даже героизм.

Но достаточны ли акции? Мы задаем этот вопрос именно потому, что активизм силен. Обратной стороной этой агитации является разъедающий и агрессивный антиинтеллектуализм. Мы обращаем внимание на эту враждебность к мышлению – не только потому, что у нас у самих маниакальная страсть к интеллектуальной работе, то также потому, что он ограничивает способность движения к изменению.

Наше недовольство исторически специфично. Если бы все были заняты бессмысленными доктринальными спорами, мы бы подписались до определенной степени под некоторым антиинтеллектуализмом. Но это не тот случай.

Реальная цена отсутствия мысли

Как заявляет себя активистский антиинтеллектуализм? Одним из примеров является сведение стратегии к обычной тактике, к внешнему потрясающему эффекту. Возьмем для примера с треском провалившийся в Сан-Франциско протест против Национальной ассоциации работников вещания⁴, акция, которая стоила десятков тысяч долларов организаторам, не имела никакого воздействия на НАБ, и чуть не разорила одну из спонсировавших организаций. Во время посмертной дискуссии этого провала одна из организаторов напомнила аудитории, что «У нас было три тысячи марширующих через Юнион Сквер (торговый район) с протестом против СМИ. Это радует. Этого никогда не случалось прежде». Это ничего-де, что никакого результата этот бесцельный марш не принес. Точка зрения понятна: мы маршировали сами для себя. Мы являемся самоцелью. Активизм делает нас хорошими.

Не размышляющий активизм затушевывает формулировку политических целей. Один из авторов был на конференции, на котором адвокат-«активист» говорил о достоинствах малого

3. Авторы употребляют производное слово от «активизма» - «активизмист». Для русского читателя прямая транскрипция этого слова непронизосима, потому в дальнейшем это течение будет называться «активизм», а его приверженцы – «активистами» в кавычках. (прим пер.)
4. Профсоюз работников телерадиовещания (далее будет использоваться сокращение НАБ)

бизнеса. Когда было замечено, что энтузиазм относительно малого бизнеса должен быть умерен осознанием того, что малый бизнес имеет тенденцию платить меньше, его труднее организовывать, его преимущества малы и ограничены, и он более рискован, нежели крупный бизнес, юрист отклонил это как «беспомощность анализа». Когда на другом собрании было высказано, что организация сообщества по типу Алински⁵ есть практический и организационный провал, потому что мы должны рассматривать их жесткие ограничения, организатор и руководитель кредитного союза оборвал разговор банальной фразой: «Я просто не хочу это обсуждать».

Антивоенное движение, возможно, наиболее очевидный пример многообещающего политического явления, которое получило большой урон от антиинтеллектуалистского мировоззрения «активизма». Частенько, в то время как активисты говорят об успехе растущего движения за мир – проводится много акций, планируются конференции, новые люди включаются в борьбу – никто не замечает, против какой, собственно войны мы все протестуем. Репрессии у нас в стране? Будущие войны в Сомали и Ираке? Даже в случае Афганистана, стало актуальным сказать что-то скептикам, которые спрашивали: «А какова альтернатива? Я полагаю правительство должно защи-

щать меня от террористов, к тому же Талибан не кажется столь симпатичным.» Но движение оказалось неспособно реагировать на эти вопросы, и протесты сократились.

В общежитиях некоторых колледжей, для контраста, где война рассматривалась, как непростая возможность поговорить о чем-то большем, нежели размахивание флагами, движение имело

лучшие результаты. Но везде нежелание думать о том, что значит быть против войны и как война включается в глобальный проект американской империи, также вела к убогости мысли о том, какого рода акции имеют смысл. «Как мы можем стратегически повлиять на ситуацию?» - спрашивала Лара Джирманнус из Антивоенной Коалиции Бостонских Кампусов. «Если мы хотим прекратить гуманитарный кризис в Афганистане – что означает эта цель? Я не думаю, что мы это в достаточной мере обговоривали».

Мы не отстаиваем конформистскую идеологию. Толчок к сопротивлению иерархии и контролю за общественной мыслью –

одна из наиболее привлекательных и нужных сторон нового активизма. Рассмотрим кампусовское движение против потогонки, которое включает членов Международной организации социалистов, социал-демократически настроенных либеральных демократов, анархистов и простоватых либералов. Желание участников движения

5. Сообщества Алински – одна из форм неформальных сообществ низового самоуправления в США, создаваемого по типу союзов взаимопомощи. Название получили по имени активиста Сола Алински – леводемократического радикала 60-х гг., идеолога «активизма».

затушевывать различия между радикалами и умеренными было сильным, привлекало к себе как политически сознательных студентов, так и любителей подрать глотку с трибуны. Такая эластичность обычно достойна похвал. То, что нас волнует в «активизме» - это идеология, которая накладывает табу на дискуссии относительно идей и точек зрения, и таким образом стоит на пути как у мысли, так и у действия.

Многие активисты соглашаются с этим. Джираманус, которая также вовлечена в Гарвардскую кампанию за прожиточный минимум, говорит, что некоторые в ее группе верят, что борьба за прожиточный минимум есть часть «большой идеи», а некоторые нет. «Но если наш анализ недостаточно широк» - отмечает она, - «мы не сильно отличаемся от групп, которые занимаются благотворительностью». В ее группе рабочей солидарности «люди скажут «я не прогрессивен, меня просто волнует этот вопрос». Не стоит думать о нашей работе в контексте более крупных задач и спрашивать об их мировоззрении. Просто должно быть место встречи для разговора об альтернативных экономических системах». Но она говорит, что эти вопросы не обсуждаются, и люди, которые их обдумывают, боятся выступать с ними на собраниях. «Это выглядит следующим образом: «у нас нет времени на это сейчас, нам надо победить в кампании за прожиточный минимум прямо сейчас»»

Мыслящие люди рассматривают этот строгий гиперпрагматизм как враждебность, и, в конце концов, выходят из организации. Но это не единственная проблема. «Важно дать стимул к осмыслению – говорит Джираманус, - «чтобы хиппи снова не стали яппи».⁶ Как она отмечает далее, без анализа того, что в мире неправильно – или без образа лучшего мира, который мы стремимся создать – у людей отсутствует причина оставаться активистами, когда заканчивается данная конкретная кампания. Таким образом «активизм» и политическая недалекость сами себя ведут к поражению. «Активизм» скучен, и его пешотинцы испытывают настоящее истощение. Размышления, в конце концов, мобилизуют, «воодушевленные мыслью – заявляет Джираманус, мы бы несколько более уважали бы сами себя.»

Все больше и больше становится активистов, которые считают, что идеи важны. «Мы должны развивать новую риторику, которая соединяет и

«потогонки», и прожиточный минимум, и право на организацию – с глобальной экономикой» - говорит Джеки Брей из Мичиганского университета, активист борьбы против нелегальной эксплуатации. Лиана Молина из университета Санта-Клары соглашается: «Я считаю, что наша экономическая система определяет все!» Но относительно смутной идеологии студенческого движения у она испытывает смешанные чувства: «Неплохо быть сомневающимся и содержательным», также как и не отпугивать более консервативных или менее политизированных новичков, говорит она. «Но я также считаю, что классовый анализ нужен. Иначе становится непонятно, потому что люди спрашивают: «Так что же вы – за социализм?»»

Проблема в том, что активисты, как Молина, которые задают сложные вопросы, которые выталкиваются на политическую арену, очень часто действуют в пугающей изоляции, без поддержки сообщества единомышленников.

Откуда пришла болезнь?

Стив Данкомб, активист, публицист и профессор Нью-йоркского Университета говорит своим друзьям-активистам: «не задумывайтесь особенно о капитализме вне морального дискурса: большое – это плохо, и ничего не думайте о государстве, кроме того, что государство, в опровержение правых взглядов, есть авторитарный отец».

«Активизм» также неразрывно связан с отрицанием марксизма, что ярко проявилось в дебатах относительно отношения теории и практики, целого и части. К сожалению, большинство этих дебатов было обесценено, чередуясь со скучными и веселыми речами в секретарских бумагах. Отрицание марксизма (но не смерть – трое из авторов считают за честь называться марксистами) привело к путаным идеям о «лучшем» капитализме и к безразличию вообще к тому, как система работает в целом. Это зашоривание особенно яростно в США, где мелкобуржуазный популизм является национальной чертой радикалов, а антиинтеллектуализм практически на инстинктивном уровне включен в культуру. Так как «активизм» подчеркивает практичность, достижимость и реализуемость перед всеми остальными идеями, то теория, свя-

6. Образное выражение, в данном контексте означающее переход от социальной активности к конформизму

занная с глубоким пониманием структур с точки зрения необходимости изменения их, закономерно отталкиваются.

Отрицание марксизма – это не просто вопрос теоретический – это выливается в слишком практический эффект. Если нет никакого серьезного понимания, как работает капитализм, тогда очень легко обмануться, что моральные обращения к руководителям могут быть эффективны. Можно думать, что привычка центральных банков провоцировать спад в случае, когда безработица становится низкой, есть политика, основанная на обыкновенном недопонимании. Можно думать, что структурные регулировки и империалистические войны являются просто плохим жизненным выбором.

Неразмывающий прагматизм также вдохновляется зависимостью многих левых от их материальной базы. Роль филантропии в структурировании активизма редко обсуждается, потому что все хотят гранты (включая и нас). Но такое обсуждение должно быть. Их основание, как сфокусированная суть, осуществляет специфические мягко улучшающие бытие схемы. Они не хотят слишком пристально всматриваться в систему, которая дала им кучу денег, которые менее счастливые вынуждены с трудом выбивать.

«Активизм» заражен культурными формами и политическим содержанием некоммерческих организаций. Так как некоммерческие организации являются фактически тем же бизнесом, который продает собственное освещение в прессе руководителям, спонсирующим программы, они оперируют антиинтеллектуальной логикой гиперпрагматизма и краткосрочности в рамках отчетного периода спонсирующей организации. В процессе ведения такого «некоммерческого» бизнеса левые в целом начинают проявлять навязчивое внимание к «возможностям», «потерям», «нахождению в теме». Для многих политических некоммерческих организаций акции – невзирая на их ценность и реальную отдачу, являются продуктом, который в свою очередь обещает доступ к новым грантам.

«Некоммерческая» культура воспитывает целый ряд убийственных для мозга практик. Обсуждения прессы и открытые группы – эффективные методы генерирования и собирания идей и частей организации для более крупной акции. Тем не менее, используемые в политических дискуссиях эти «некоммерческие» средства

могут быть разрушительны. Гораздо чаще чем обратное, происходит следующее – все высказали какую-то идею, открытая группа обращается с ней ко всей группе, списки составлены – и ничего не происходит.

Что делать?

Наша точка зрения не в том, что должно быть меньше активизма. Левые – ничто без видимой, подрывной демонстрации силы. Мы аплодируем активизму и воодушевляем себя на активизм. Наши заявления есть нападки на тупость, которая наполняет американскую культуру. Они включают более демократичный подход к мышлению ради того, чтобы в нашей жизни оставалось место для идей и политической работы. Мы не призываем к тому, чтобы в руководстве стояли интеллектуалы. Наоборот, мы бросаем вызов культуре левого «активизма» призывом к активистам самим стать интеллектуалами. Зачем расширенно воспроизводить общественное разделение труда на физический и умственный? Горячие овации Ноаму Хомски на Мировом Социальном Форуме в Порто Аллегре вряд ли были незаслуженны, но идеи не принадлежат памятникам. Они должны быть на улице, на работе, дома, в баре и на баррикадах.

Мы направляем этот призыв – говоря языком «активистов» - потому что текущий момент требует некоторого осмысления. В условиях подавляющего одобрения политики Буша и его бесконечной войны в американском обществе, размахивание плакатом «Остановите бомбардировку!» десятилетней давности так и не создало массового движения. Мягкий морализм также не выиграет битву дня: лозунг «Война – это не ответ» не многим лучше лозунга «Война – это ответ», который можно прочесть на плакате против демонстрантов, вывешенном недавно на Манхэттене.

Движение переживает также очаровывающий подъем риторики, когда активисты отвергают термины типа «антиглобализма», которые отражали – хоть и не очень ясно – против чего они выступают ради лозунгов типа: «Другой мир возможен» - который претендует на то, чтобы вызывать мысль о возможности радикально других экономических отношений. Но как будет выглядеть этот другой мир?

Активисты должны затронуть этот вопрос – и чтобы сделать это, они должны проделать еще большую работу и уяснить, как этот мир работает на самом деле. Обращения интеллектуала

лов к группам активистов по некоторым аспектам мироустройства часто встречаются с занудно повторяемым вопросом: «Это очень интересно, но как мы можем организовываться вокруг этого? Каковы должны быть лозунги?»

Никто из нас не был ни в Генуе, ни в Порто Аллегро, но по рассказам, там было множество серьезных дискуссий по поводу и этого мира, и лучшего мира. Но американцы не должны ехать туда – в Бразилию или Италию - чтобы поговорить или подумать над этими вопросами. К сожалению, здесь, дома, те, кому доверено обсуждать такие вопросы, есть те самые люди с глупейшими идеями наподобие «Ралли под лозунгом «Лучший мир возможен»» во время недели Мирового экономического форума, ораторы безнадежно орали о мире, в котором все бы выращивалось локально. Это абсурд, если конечно, мы не планируем отменить города, отбросить индустриальную цивилизацию и сократить мировое население на 95%, но мы редко осознаем

такие вещи, и еще реже обсуждаем их.

Этот дух, который мы желаем вдохнуть в движение, был высказан несколько лет назад одним латиноамериканским выпускником. Увидев одного из авторов с книгой Аяза Ахмада «В теории», он серьезно воскликнул: «Эта книга как интеллектуальная граната в руке. *Nasta la Victoria*» Во многих других странах крошечные квартирки активистов уставлены хорошо проработанными работами Бакунина, Маркса и Фанона. Мы хотели бы видеть что-то подобное у нас в стране. И если этого не сделать, судя по европейскому опыту, мы расплатимся сполна, выражаясь прагматическим языком «активистов» - протесты в большинстве европейских городов в основном гораздо менее массовые чем американские, и активисты подвержены гораздо более влиянию мейнстрима и даже правительственной политики. Если взять длительные сроки, то движение, которое не может думать, не может ничего и сделать.

ЭТОТ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ВИРУС АКТИВИЗМА

(послесловие к статье «Action will be Taken»)

Александр ЛБОВ

Редакция журнала публикует перевод статьи американских публицистов, активистов социалистического и антивоенного движения по поводу проблемы, которую мы считаем актуальной не только для американских политических движений, но и для российской действительности. Относительно новым для российского читателя будет только употребляемый в статье термин – «активизм», а в основном рассматриваемое явление будет знакомо всем читателям журнала, постольку поскольку наш журнал читают в основном люди интересующиеся марксизмом и левым движением вообще.

Термин «активизм» в американской по-

литической лексике существует давно и обозначает явление, когда политически активные люди принимают участие в акциях с целью выразить свои взгляды или же добиться каких-либо политических изменений. «Активистами» там называют всех, кто способен выразить свое отношение к событиям какими-либо иными действиями, кроме как киданием попкорна в телевизор, совершенно безразлично политическим взглядом или принадлежности к организации. Даже если студент выступает против преподавателя, поставившего ему двойку, но делает это на митинге, то его тоже называют «активистом». Иными словами, «активизм» – это спе-

цифическое стихийное политическое явление, основной отличительный признак которого – постоянное участие в каких-то мероприятиях.

Несмотря на то, что в России группа, которую можно сравнить с описанным в статье движением, представлена гораздо более узко, тем не менее, мы можем рассматривать устойчивые аналогии. Фактически, формирование первых оппозиционных организаций капиталистической реставрации происходила в обстановке подавляющей стихийной активности довольно-таки массовой, но ограниченной и количественно устойчивой группы людей, которые посещали все мероприятия, участвовали во всех инициативах, но основным мотивом такой деятельности были не четкие политические воззрения, а большое желание «что-то делать», чтобы бороться с ненавистным «режимом». Точно так же, как и американские «активисты», российские завсегда митингов «Трудовой России» вовсе не спешили политически определяться, и тем более не особо загружали мозг идеологией – они с радостью шли куда угодно, лишь бы это было «против правительства» и под красным (или каким другим за исключением государственного) флагом.

Заслугой авторов является то, что они выделили несколько существенных черт активизма, которые также интернациональны:

- антиинтеллектуализм
- хвостизм
- мелкобуржуазность
- узость целей и мелочный прагматизм

В качестве основной причины всех прочих недостатков авторы видят недопонимание соотношения теории и практики, когда первостепенная важность теории (подумал-сделал) заменяется главенством практики без должного осмысления (а что тут думать, прыгать надо). Это непонимание влечет за собой кичливое отношение к теории как к пусторорожной болтовне, отсутствие стратегии, которая немислима без развитой теории ведет к узости целей и мещанству, отсутствие революционной теории сталкивает движение в мелкобуржуазное русло, организаторы движения в силу интеллектуальной неспособности, скрытой за воинственным антиинтеллектуализмом неспособны вести за собой, а способны только озвучивать то,

чего хочет большинство активистов и до чего они сами могут додуматься.

Безусловно, первым вождем и идеологом российского активизма был Анпилов, который постоянно позиционировал себя как большого практика в пику «кабинетным теоретикам». Но в силу стихийности явления, оно не могло сконцентрироваться все в анпиловской организации – оно постепенно распространилось на все протестные организации России, включая и РКРП-РПК. Читая статью американских авторов, мы можем видеть все прелести современного анархо-примитивизма – все те же подсчеты количества демонстрантов, плакатов, восторги речей, и полное непонимание (или лицемерное отрицание) того факта, что все эти «марши протеста» и «митинги против» на самом деле проводятся для собственной отчетности – отчетности перед собственным активом, который нечем занять, то есть, перед собой же. Реальный политический эффект от таких акций не рассматривается, а если к нему обращаются, то судорожно начинают вытаскивать самые мелкие фактики и раздуваться до размеров слона. В основном в победных реляциях современных левых организаций, делаемых для собственной прессы, политический эффект мероприятий попросту выдумывается. Особенно распространена такая отчетность среди молодежных организаций – их актив и физически более вынослив для участия в бесконечных акциях, а образовательный уровень их молодежи и небольшой политический опыт оставляют желать лучшего. Например, большая часть газеты «Бумбараш 2017» (не менее трети) наполняется отчетами о прошедших акциях и мероприятиях – создается вполне справедливое впечатление, что кроме как митинговщиной и расписыванием стен РКСМ(б) больше ничем не занимается, и эта деятельность есть самоцель организации. Про АКМ и НБП уже не стоит и говорить – вся их деятельность вполне официально сводится к одним только акциям и их освещению в СМИ, а лично Удальцов по более раннему примеру Эдички Лимонова давно стал «информационным товаром», который он с успехом продает то буржуазной прессе, то коллегам по либеральному лагерю. Именно с этим «товарным» свойством политики ле-

ваков связаны многочисленные отсидки активистов в милиции, и в существенно меньшей мере с реальными репрессиями против коммунистов или оппозиционеров.

Хорошей параллелью с американским активизмом является и присущая российским левым политическая всеядность – современные левые участвуют в акциях во имя чего угодно, но практически нигде не выступают с собственно коммунистической позицией – на акциях в защиту обманутых дольщиков они защищают обманутых дольщиков жилья, а на акциях против уплотнительной застройки они выступают против застройки, совершенно не задумываясь даже о том, что может случиться такое, что интересы обманутых дольщиков и протестующих против точечной застройки рано или поздно пересекутся в пространстве. Не говоря уже о том, что дольщики выступают с вполне капиталистическими требованиями, а точечная застройка не имеет никакого отношения к общественному строю – она может осуществляться какой угодно властью, и даже при коммунизме. На митингах в защиту политузников они выступают совершенно не задумываясь о том, за что выступали эти «узники», кто их посылал на рискованное мероприятие и принесли ли они тем самым пользу движению. Как правило, участники этих акций никогда толком не могут объяснить, что же такого революционного в требованиях протестующих.

Следует сказать также и о такой проявляющейся лишь последнее время черте российского активизма, на которой американские авторы остановились подробно – на спонсировании активизма как источника бессмысленной митинговщины. В последние семь лет в российской политике ярко проявляется спонсирование теми или иными экономическими силами различных политических партий и организаций, и некоторые левые организации не обойдены этой чашей, в России в крупных городах создан небольшой, но постоянно расширяющийся слой профессиональных политических кнехтов, которые опасны не тем, что бродят от одной буржуазной организации в другую, но тем, что в силу отсутствия идеологии, иницируют и проводят одну за другой бессодержательные акции и флэшмобы. Их активность

понятна – им надо отчитаться, продать информационный товар работодателю, продаться самим. Но контакты оппозиционных буржуазных течений с левыми происходят, акции эти освещаются в СМИ, левые, сами не имея четких воззрений, начинают в чем-то подражать, имитировать и перенимают эту форму «политической деятельности», тем более что она проста как яйцо.

Отдельной строкой в статье сказано о презрении к марксизму, без которого вообще никакая научная идеология невозможна и о необходимости теоретической работы над его изучением – в назидание американским и российским левым, для которых слово «теоретик» является ругательством.

Статья также интересна для российского читателя и тем, что она развенчивает сложившийся в российской левой среде миф о растущем и набирающем силу мощном левом движении на Западе – в Европе и США, показывает источники его слабости, показывает отсутствие единых и оптимистических взглядов на будущее левого движения в развитых странах мира. И тем более она служит предостережением против попыток российских левых тупо копировать зарубежные формы, тем более не самые лучшие как-то бессмысленные драки с милицией, всякие факельные шествия тремя калеками в четыре ряда, нахлобучивание активистам повязок на физиономии и скандирование глуповатых речевок. Это, конечно, смешно смотрится, когда десять человек РКСМ(б)шников топают по улице башмаками в ногу, изображая «мерную поступь батальонов пролетариата», если бы это не было так грустно потому, что никакой другой работы на акции, в сущности, не проводится.

Разумеется, статья не раскрывает всего вопроса – главный для марксиста вопрос об оппортунизме основной массы американских активистов скомкан и потихонечку забыт, потому что авторы непоследовательны в марксизме (о приверженности которому осторожно продекларировали). Они, в конце концов, заняли половинчатую позицию – критикуя с одной стороны активизм, критикуя людей, которые бегут в хвосте у масс, они тем не менее, сами не могут оторваться от активистской среды, они характеризуют основную массу активистов как но-

сителей мелкобуржуазных идей, но тем не менее, полагают реализацию этих идей полезной, сводя все претензии от «неправильных идей» (что проскальзывает в критике) только к тому что «неправильно осуществляется». Это напоминает многочисленные призывы российских «радикальных левых» к КПРФ «полеветь» и «поумнеть», которые мало того, что остаются голыми призывами уже не первый десяток лет, без внятной альтернативы, но и просто не услышаны ни КПРФ-ным активом, ни тем более руководством. По сути дела, они беспокоятся не о формировании пролетарской партии и конечной победе революции, а только о том, чтобы существующее активистское движение не затухало и не вырождалось в совершеннейший идиотизм, а при возможности более эффективно выполняло свою оппортунистическую программу. Однако этот недостаток статьи им можно простить, принимая во внимание то, что они раскрыли нам левое движение США с наиболее уязвимой его стороны – со стороны идеологической. Любопытно заметить, что, судя по тем бурным обсуждениям этого вопроса в левых англоязычных рассылках, которые мне довелось прочитать, противники позиции авторов, как и российские любители бессодержательной «практики», так и не нашлись, чтобы ответить что-нибудь толковое, кроме упреков в том, что *«Маркс жил очень давно»* и

«Паренти берет деньги у Сороса».

Однако, постольку поскольку стихийность всегда будет сопутствовать революции в буржуазных условиях, активизм должен быть полностью преодолен внутри коммунистической партии, путем повышения теоретического уровня партийных активистов, а единственный способ хотя бы частично преодолеть его в массах – это повышать уровень партийной пропаганды, постоянно идеологически обеспечивать все партийные акции выдвижением собственно коммунистической программы по каждому поводу, вести идеологически за собой, а не подстраиваться под стихию. Партия должна стать выше сиюминутных погонь за «протестным электоратом» в любых формах и под любым предлогом – вне зависимости от того, происходит ли это ради выборной кампании или ради «защиты прав» какой-нибудь группы людей. Задача партии – не просто участвовать в каких-то мероприятиях, но приходить на эти мероприятия с продуманной и глубоко обоснованной идеей, которую посредством этих мероприятий мы желаем внедрить в сознание пролетариата. Конечно, наполнение каждой акции коммунистическим содержанием еще не гарантирует, что любители «поделатать хоть что-то» исчезнут с политических мероприятий, однако гарантирует нашу деятельность от бессмысленных и бесполезных самодостаточных мероприятий.

Апрель 2008

ПОЛИТИКА

О РАБОЧЕМ КЛАССЕ И СОВЕТАХ

Владимир Новак

Во всех документах нашей партии отмечается, что сейчас ее ключевой задачей является организация пролетариата в класс. И это абсолютно верно. Ибо сегодня, к сожалению, пролетариат представляет собой бесформенную массу населения и потому без претворения в жизни этого лозунга немыслима подготовка пролетарских масс к решительным боям за свержение капитализма. РКП-РПК сознает значение этой задачи и мобилизует силы для ее решения. В то же время, в практической работе часто сталкиваешься с недостаточным пониманием сущностного содержания этого лозунга, с его примитивным и даже искаженным представлением. Прискорбным фактом является, что сейчас мало кто, даже из числа ведущих коммунистов, может грамотно объяснить, что такое пролетариат или что такое класс. Но ведь без четкой ясности этого понимания вся работа партии неизбежно превратится в хаотичные шараханья либо в авантюрное прожектерство. Также становится невозможным и какой-либо компетентный отпор тому потоку идеологической лжи и путаницы, который обрушивает на головы простого человека современная буржуазная пропаганда и все ее оппортунистические прихвостни. Еще более прискорбно, что очень немногие из коммунистов осознают и признают свою малограмотность. Большинство же, опираясь на стереотипный набор марксистских лозунгов и цитат классиков, считает свое идеологическое образование вполне достаточным и законченным. Здесь речь идет, прежде всего, о членах партии, поскольку они являются авангардом всего пролетарского движения и для которых невежество абсолютно недопустимо.

В связи с этим мне бы хотелось кратко напомнить о марксистском понимании понятий пролетариат и рабочий класс, а также о вопросе стратегии организации классового движения. Может показаться, что все это общеизвестно, что в этом

нет ничего нового и что, следовательно, не стоит тратить время на повторение общеизвестных истин. Но, хотя здесь нет ничего нового, было бы неправильно думать, что не стоит тратить время на повторение некоторых известных нам истин, ибо, как учил Сталин, систематическое повторение так называемых «общеизвестных» истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания.

Не будем углубляться в теоретические тонкости марксизма, но выделим и поясним те принципиальные положения, без которых невозможно даже говорить об освобождении трудового народа от рабства, эксплуатации и угнетения. В Манифесте Коммунистической партии определено, что капитализм, до предела упростив классовые противоречия, расколол общество на два больших враждебных лагеря, на два большие стоящие друг против друга класса – буржуазию и пролетариат. Где *буржуазия* - класс собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд и живущих за счет труда других, т.е. эксплуатирующих чужой труд. *Пролетариат* - класс производителей, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того, чтобы жить, продавать свою рабочую силу. Ленин дополнил и конкретизировал определение классов, указав, что классы различаются по своему месту в системе капиталистического производства, по своему отношению (закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по своей роли в организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Отметим, что в отличие от буржуазных трактовок классов, делящих общество по имущественному принципу, марксистская формулировка идет не от материального состояния того

или иного члена общества, а от его социального положения.

В то же время, с ходом развития, человеческое общество непрерывно изменяется. В нем возникают новые социально-экономические условия, которые не могут не накладывать свой отпечаток на его структуру, состав и порядок жизни. Так, говоря о пролетариате, уже Ленин отмечал, что он окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов – от пролетария к полупролетарию, от полупролетария к крестьянину и т.д., даже внутри самого пролетариата имеется деление на более или менее развитые слои, землячества, профессиональные и т.п. Сегодня такая пестрота значительно расширилась и углубилась. Это как раз то обстоятельство, спекулируя на котором нынешние буржуазные идеологи и их оппортунистическая подтанцовка, пытаются утверждать о, якобы, растрвоении или даже исчезновении пролетариата, об устарелости и изжитости вообще марксизма. Естественно, труды классиков несут на себе отпечаток того периода, в течение которого они создавались. Но открытые ими объективные, т.е. отражающие закономерность процессов общественной жизни и совершающиеся независимо от воли людей, законы и сегодня позволяют людям использовать полученные знания в интересах общества. Поэтому буржуазная пропаганда бесстыдно лукавит, ибо замалчивает то обстоятельство, что условия изменялись не в противоречии, а, наоборот, в полном соответствии с разработанной классиками марксизма теорией, что вся история после появления марксизма приносит ему новые подтверждения и новые триумфы. Более того, теория марксизма предвидит и возвещает главные направления грядущих изменений, чем вооружает передовые силы общества для новых свершений во имя прогресса. Исходя из сказанного и опираясь на труды классиков, посмотрим на состояние и социальную роль классов в нынешнем капиталистическом обществе.

Как бы ни плутовала буржуазная пропаганда, но из всего социального многообразия и пестроты нынешнего населения объективно выделяются, с одной стороны – капиталисты, т.е. частные владельцы орудий производства, а с другой – нанимаемые ими работники, т.е. рабочие при этих орудиях производства или промышленные рабочие. Выделяются не внешне, а сущностно, ибо именно и исключительно эти две группы в капиталистическом обществе оп-

ределяют его характер и порядок жизни. Поясним. Основным условием существования капитализма является накопление богатства в руках частных лиц – капиталистов, образование и увеличение капитала. В то же время условием существования капитала является наемный труд, который, в свою очередь, возможен лишь пока увеличивает капитал. На этом объективном основании марксизм делает тот вывод, что рабочий класс есть собственный продукт капитализма и только он, на фоне всего пролетарского разноцветия, наряду с капиталистом определяет классовый характер капиталистического общества. Отсюда естественно следует другой вывод – что именно рабочий класс является могильщиком капитализма. Объяснение в том, что рабочий класс не может освободиться от рабства, наемного рабства, иначе, чем уничтожив сам капиталистический порядок жизни. Для чего он должен уничтожить собственно способ частного присвоения в целом – разрушить все, что охраняет и обеспечивает частную собственность, взорвать всю возвышающуюся над этим способом надстройку. Обратим внимание – не уничтожить капиталистов физически, чем пугает обывателя буржуазная пропаганда, а уничтожить те условия, которые их порождают, т.е. частную собственность на орудия производства.

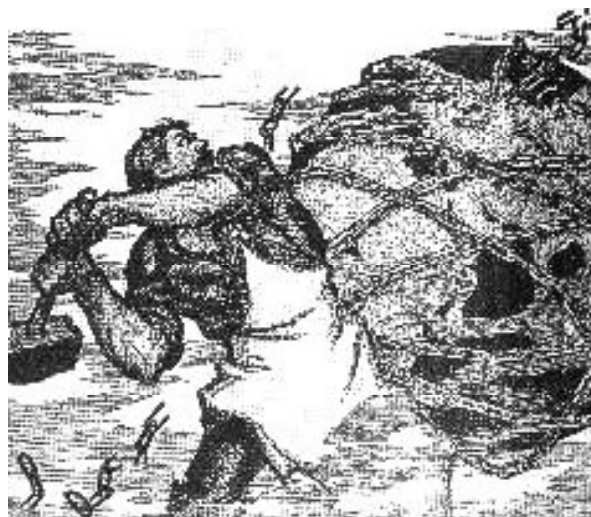
Буржуазная пропаганда также твердит, что современный рабочий уже не тот, что был когда-то. Да, конечно. Тем не менее, несмотря на улучшение его материального состояния, вместе с этим улучшением и вслед за этим улучшением, не исчезает бесправность его фактического положения раба. Пусть наемного, пусть добровольного, но безусловного раба. Не исчезает из общества состояние социального неравенства людей и несправедливости в отношениях между ними. Какими бы декларациями не прикрывалось, но рабочие остаются самым низшим, несмотря на свою значимость, слоем капиталистического общества. Фактически, они рабы всего этого общества, поскольку не только работодатель-капиталист присваивает их труд, но и все другие слои буржуазии, которые набрасываются на рабочих после получения ими зарплаты. Отсюда очевидно, что именно рабочий класс является решающим производителем капиталистического общества, а все остальные лишь перераспределяют между собой производимое им. При том львиная доля оседает в карманах буржуазии. Все это объективно делает освободительные стремления рабочего класса обоснован-

ными, справедливыми и законными. Или посмотрим на жизнь рабочего, в которой все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности и человек потерял самого себя. Рабочие, по сути, превращены современным производством в придатки машин, в рабочие инструменты. Для них различия пола и возраста теряют всякое общественное значение. В их жизненных условиях нет жизненных условий капитализма – у рабочих нет собственности; современный промышленный труд стирает с них всякий национальный характер; семейные отношения рабочих не имеют ничего общего с буржуазными семейными отношениями; буржуазные законы, мораль, религия для рабочего не более как оковы, за которыми скрываются интересы капиталистов. Как видим, у рабочих в буржуазном обществе нет ничего своего, что надо было бы защищать, и терять им, кроме цепей, нечего. Все это естественно не только

вынуждает рабочего к возмущению, но дает сознание, что, лишь уничтожив весь существовавший до сих пор способ присвоения, завоевав общественные производительные силы, он может освободить себя от рабства, достигнуть благополучия и обеспечить достойную человека жизнь. Это делает ра-

бочего до конца последовательным борцом за свободу. Отсюда вывод, что **только рабочий пролетариат из всех классов и слоев общества представляет собой действительно революционную силу**. С другой стороны, крупная машинная индустрия, равно как и вся организация современного капиталистического общества, создают материальные условия для борьбы рабочих. Капитал их собирает в большие массы, сплавливает, организует, дает образование, обучает совместным действиям. Из сказанного очевидно, что самые условия жизни толкают рабочих на борьбу и делают их способными к борьбе. Все прочие пролетарские слои с развитием капитализма различным образом трансформируются, приспособляются или уничтожаются. Вся их борьба есть борьба лишь за спасение своего существования, а потому все

они консервативны и даже более, реакционны, т.к. стремятся остановить или повернуть назад колесо истории. Поэтому коммунисты обязаны безоговорочно выделять рабочих, прежде всего промышленных, из общей пролетарской массы, обособлять их и выдвигать на передовые позиции. Что не ослабит, а усилит общую борьбу пролетариата за освобождение. Поскольку рабочий класс, как передовой и бескомпромиссный боец за освобождение, будет направлять и подталкивать все демократические и политически оппозиционные элементы на безоговорочный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Не надо при этом пугаться относительной малочисленности рабочего класса – в 17-м за немногочисленным рабочим классом, возглавляемым большевиками, пошла огромная крестьянская страна. То есть дело не за количеством, а качеством рабочего класса.

В то же время, при выделении и обособлении рабочего класса, безусловно, нельзя полагать, что один он революционен, а все прочие реакционны. При такой постановке вопроса вся пролетарская масса поделится бы на реакционное большинство и бессильное меньшинство. Ленин указывал, что исторически побеждает тот

класс, который может вести за собой массу населения, что как бы близко не придвинулась партия к власти, но завоевать власть и удержать ее она может лишь заручившись поддержкой масс. То есть, рабочий класс не сможет победить буржуазный строй пока против этого строя не поднимется стоящая между рабочими и буржуазией масса народа – крестьяне, мелкая буржуазия, городская трудящаяся масса, интеллигенция и прочие. И здесь главный вопрос. А есть ли еще у этой массы, у многообразных составляющих ее слоев и групп, революционный потенциал? Тот потенциал, который сблизит ее с рабочим классом и заставит пойти за ним на уничтожение капитализма. Не исчерпаны ли уже революционные возможности, таящиеся в ее недрах, и, если не исчерпаны, то есть ли надежда, основание использовать эти возможности для

пролетарской революции? Ведь буржуазная пропаганда всячески насаждает мнение о, якобы, несовместимости и даже противоположности их интересов. Безусловно, пойдет. Эта масса, абсолютное ее большинство, неизбежно будет участвовать в революционной борьбе, поскольку защищает свои будущие интересы, защищает свое материальное благополучие и человеческое достоинство, защищает стабильность и надежность своей жизни. Она так же неизбежно пойдет за рабочим классом, его организованной, сплоченной, последовательно бескомпромиссной силой, поскольку не у кого больше ей искать поддержки и защиты против капиталистического гнета, произвола хозяев и ненавистной всем буржуазной бюрократии. Эта масса находит своего природного союзника в рабочем классе. Ибо, когда она начинает мыслить, то естественно обнаруживает, что единственное средство спасения для нее в союзе с тем единственным классом, который нисколько не заинтересован в ее жалком положении. Более того, повинуясь суровым реалиям классовой борьбы, она признает и добровольно подчиняется диктатуре этого класса. Хотя и привнесет в борьбу свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Таким образом, борьба рабочих соединяется с борьбой всей прочей пролетарской массы в единый поток, завершающийся революционным взрывом. Поэтому лозунгом коммунистов должна быть не борьба с этой массой, а привлечение ее, всех и всяческих ее слоев и групп, к общей революционной борьбе, убеждение колеблющихся, использование нейтральных, воспитание отставших. Исходить надо из того, что трудящийся, который не эксплуатирует чужого труда, есть товарищ рабочего и с ним можно и должно достигнуть добровольного, искреннего, полного доверия союза.

Другим вопросом, на котором необходимо заострить внимание, является вопрос о Советах. Заострить потому, что сегодня большинство коммунистических организаций недооценивает исключительную важность этого вопроса. Не будем останавливаться на рассмотрении существенных положений Советов, которые полно и четко даны нашими классиками, но отметим их значимость для всей политической борьбы современных коммунистов.

Во-первых. Ход развития современного общества, безусловно, идет по пути демократизации. И хотя буржуазная пропаганда пытается

представлять это некими внутренними позитивными свойствами капитализма, но в основе его лежит непрерывная борьба трудящихся за свои права, свободу, справедливость. Тем не менее, пока эта борьба направляется буржуазией, ведется в русле буржуазного демократизма и заключается лишь в его прихорашивании. Поэтому современные коммунисты должны забрать инициативу у буржуазии и уже в условиях буржуазного общества устремить растущее сознание и демократические стремления трудящихся масс по пути перехода от демократии на почве частной собственности к демократии на базе борьбы за отмену частной собственности, по пути перехода от демократии буржуазной к демократии пролетарской. Марксизм учит, что первым шагом в пролетарской революции является **завоевание демократии** и установление в обществе господства пролетариата. Другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу, нет. Ибо если будет настоящая демократия, то никакому капитализму не удержаться. То есть, в конечном счете, **реальная, подлинная демократия равносильна политическому господству трудящихся.** Именно поэтому решающей целью коммунистов является полное и последовательное осуществление демократии. Ради достижения и утверждения социализма. И именно поэтому не буржуазия, как пытается представлять ее пропаганда, а как раз пролетариат, является подлинным приверженцем и носителем демократизма. Решение задачи состоит в том, чтобы на деле сделать демократию возможной для всех, а не только для избранных, сделать общество по-новому демократическим - для большинства, для трудящихся, для неимущих. Ведь только тогда демократия будет приноровлена для реализации интересов трудящегося большинства и станет наиболее, в условиях классового общества, полной, развитой, справедливой, обретет свой истинный смысл – как народовластие. Не решив эту задачу, трудовой народ может навсегда остаться игрушкой в руках своих угнетателей. Таковой демократией является демократия Советов, существенное отличие которой от буржуазной парламентской демократии состоит в том, что она выстраивается не сверху вниз, а снизу вверх, т.е. превращает в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу доверху массовые организации именно угнетенных капитализмом классов или абсолютного большинства населения.

Вследствие чего Советы являются не только формой более высокого типа демократических учреждений, но и, особо выделим, единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный, фактически мирный, переход к социализму. Отсюда, борьба за Советы позволяет коммунистам, с одной стороны, завладеть политической инициативой, с другой - создать фундамент будущей пролетарской власти.

Во-вторых. Власть трудящихся не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, - она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины и ее замены новой государственной машиной. Поэтому успех революции напрямую зависит от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Таковыми и являются Советы, которые на деле делают всю народную массу активным участником демократического управления государством, управления всей жизнью общества.

В-третьих. Структура Советов обеспечивает объединение распыленных и отсталых слоев трудящегося и эксплуатируемого населения, их организацию и воспитание.

В-четвертых. Только через Советы возможно осуществление классового союза пролетарских масс с рабочим классом и его партией.

В-пятых. Борьба за Советы, своей конкретностью и целеустремленностью, сплачивает, направляет, организует и укрепляет как рабочий класс, так и его партию.

В-шестых. Единственно путем революционного движения масс за Советы, за их превращение из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности возможна изоляция всех оппортунистов и прочих соглашателей.

Подытоживая сказанное, вспомним ленинское положение, гласящее, что, если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы делом безнадежным. Что Советы и Советская власть являются той найденной пролетариатом политической формой, которая единственно способна совершить освобождение трудящихся, осуществить переход к социализму, организовать социалистические преобразования и обеспечить им полную победу. Вот почему сегодня коммунисты должны сосредоточить все свои усилия на борьбе за Советы, как том основном организационном ядре, которое может обеспечить организацию революции и создание нового аппарата пролетарской демократии и государственности. Поэтому «ДАЕШЬ СОВЕТЫ!».

Апрель 2008

КРИТИКА

РОЛЬ ПАРТИЙНОЙ ПЕЧАТИ В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Виктор ЗАРЕЧНЫЙ

О наблевших проблемах организации коммунистической пропаганды написано немало. Начиная с давних пор зарождения первых коммунистических партий, вопрос организации партийных изданий был и остается одним из самых важных. Казалось бы, зачем ломиться в открытую дверь, поднимать вопрос, который был разрешен предшественниками в прошлом веке. Но здесь-то и заключается главное: Ленин дал конкретный ответ на вопрос применительно к определенным историческим условиям. Трудно сказать, допускал ли вождь большевистской партии, что через сто лет придется начинать все заново, хотя неоднократно предупреждал будущие поколения коммунистов о возможных опасностях мелкобуржуазных перерождений и скатывания в мещанство при недостаточном внимании к вопросам идеологии и вопросам партийного строительства. Но прошло чуть больше века, и крайне тяжелое состояние, в котором оказалось коммунистическое движение, убеждает в современности вопроса.

Человеку непринципиальному и нетребовательному в идеологических вопросах (а таких людей, к сожалению, развелось предостаточно), может показаться излишним обсуждать качество партийных изданий. Глаз неискушенного человека может обрадоваться обилию просто «Правд», «Рабоче-крестьянских правд», «Боль-

шевиков», «Мыслей» и прочих пафосных «центральных органов», при ближайшем изучении вдруг неприятно оказывающихся рудиментом. Поэтому *беспринципные* люди, сделавшие вдруг для себя это *открытие*, начинают проявлять нездоровый интерес к актам самосожжения, приковыванию себя наручниками к дверям учреждений, «психотропному оружию» и прочим эффективным выходкам вплоть до заборных надписей. Однако подобная «революционная практика» приводит к совершенно противоположному результату – потенциально полезные коммунистическому движению люди сторонятся подобных «революционеров», зато «интеллигентское течение» исправно пополняется одним-двумя маргиналами ... в период «от пленума к пленуму». Что, собственно, замыкает порочный круг «революционного» топтания на месте. С коммунистической практикой подобное топтание не имеет ничего общего, поскольку победы коммунизма не служит.

Как же пытаются выкарабкаться из этого болота современные светочи осовремененного «марксизма»? Вполне естественно для беспринципных людей не поднимать свои познания на должный теоретический уровень, а идти в русле возможных предпочтений масс. В «левой» среде существует расхожее мнение, что «народ наш думает телеящиком». Из этого следует ориги-

нальный вывод: поскольку собственное коммунистическое ТВ нам не по карману (то, что анпиловская затея провалилась не по причине плохого сбора средств, а в первую очередь по причине убожества идейного содержания самой анпиловщины и непрофессионализма анпиловцев, наши «протестуи» в упор игнорируют), то надо чаще светиться перед телеэкраном, использовать любой информационный повод. Пусть даже это будет кривляние на «Эхо Москвы» с участием Новодворской или «К барьеру» Соловьева, «лишь бы нас показали». Более умные маргиналы, помимо ТВ рассматривают еще и применение радиопередач. Их не останавливает даже неудачный опыт с использованием хорошо известной «патриотической» радиогазеты «Слово», где наряду с пропагандой «вроде-левых» идей, велась откровенно антикоммунистическая пропаганда такими невежественными персонажами, как А. Харчиков. Кто-то тащится с авоськой газет на т.н. «сталинские вечера», в надежде, что среди пенсионеров и десятка-другого не совсем здравомыслящих молодых людей вдруг встретится сознательный пролетарий. Эти люди не понимают и, увы, совершенно не хотят понимать одну важную и простую мысль, до которой дошли большевики прошлого века: СМИ – это инструменты, которые работают эффективно в определенных исторических условиях на определенные социальные группы. И если разговор идет о печатных изданиях, то здесь надо понимать, что *печатные издания партии наиболее эффективны как воспитатель, прежде всего, партийного актива*, поскольку предполагается, что раз партия – ум, честь и совесть нашей эпохи, а значит в ней читатель грамотный, вдумчивый, принципиальный. А, кроме того, предполагается, что партийный читатель не просто пассивно читает партийную прессу за обедом, но еще и *сотрудничает* с прессой, *помогает* партийной прессе своими мыслями, фактами и удачными материалами. При этом предполагается и третье – партийный читатель следит за партийной прессой и *своей ярко выраженной принципиальной немолчаливой позицией не позволяет публиковать шалости и вздор, выступает против литературной обломовщины* в духе «писатель пописывает, а читатель почитывает».

Разумеется, что вышесказанные принципы должны определять работу и других инструментов коммунистической пропаганды, хотя и в сво-

их особых формах, однако скатываться в примитивизм и антиинтеллектуализм не должны ни в коем случае. Надо не потакать массам, массы надо воспитывать. Особенно это утверждение важно для партийных изданий, ориентированных прежде всего на актив и сторонников партии. Грамотно подготовленный материал, серьезность рассматриваемых проблем, научная добросовестность автора, принципиальность позиции его и, что немаловажно, работников редакции, – вот первый и необходимый признак действительно коммунистического издания. Именно такие *произведения*, совмещающие в себе научное и эстетическое превосходство, становятся серьезным оружием против буржуазной идеологической гегемонии. Да-да, уважаемый читатель! Именно *произведения*, потому что только такое отношение к делу является не каким-то «культурничеством» или «самолюбованием», а действительным свидетельством подлинно уважительного отношения к читателям, что не свойственно буржуазным изданиям по своей цели и сути.

Однако идейно выдержанный текст – это не предел работы. Не менее важно качественно предоставить содержание произведений. Уровень культуры, порог восприятия читающего также влияют на то, будет ли материал усвоен или же останется незамеченным. Поэтому пренебрежение формой издания, средствами визуализации и качеством носителя могут смазать весь труд коммунистического литератора. Согласитесь, что плохое качество газеты или теоретического журнала говорят об их маргинальном характере. Предполагаю ряд возмущенных возгласов из рядов «рррреволюционных практиков», которые любят покичиться своими полиграфическими шедеврами: покажите мастер-класс! Но эти Полиграфы Полиграфовичи забывают, что лучшим учителем в данном вопросе являются буржуазные издания. Речь здесь не идет про мешанские газетки вроде «АиФ», хотя в ряде случаев и такие «скандальные» газетки выигрывают очки у «Правды» или «Трудовой России». Например, стоило бы вспомнить знаменитый коллаж в газете «Не дай Бог» в 1996 году, изображающий Г.А.-Зюганова с куском колбасы. Хотя на этом месте должен был стоять его ныне покойный соперник под лозунгом «Купи еду в последний раз». Редакция издательского дома «Коммерсантъ» оказалась сильнее и современнее идеологического органа ЦК КПРФ. Невежественный обыватель увлечен смакованием лживых гадостей про коммунизм в «желтой» прессе, а его более богатые

собратья читают, практически, то же самое, но только в более респектабельном исполнении газет класса «Коммерсантъ».

Естественно, что коммунистическая пресса должна отличаться от буржуазной. Однако отличаться должна качественно и *в лучшую* сторону. Грамотно подобранный газетный дизайн, умело расположенные информационные блоки по важности, старание избежать разрывов текста и визуальной противоречивости, профессиональные фотографии требуют определенного уровня мастерства. Но в то же время говорят о серьезности намерений партии убедить и победить, нежели унылое чтение, изготовленное на стареньком ризографе. Мы все-таки живем в XXI веке, поэтому современный читатель (а коммунистический читатель к такому несомненно относится) не заслуживает кустарщины, а требует современного подхода к изготовлению печатных материалов.

И третий вопрос, который вытекает из двух предыдущих – это доставка информации к аудитории, а также обратная связь с читателем. Как уже писалось выше, в «левой» среде распространено мнение, что партийная пресса – это изживший себя инструмент, непопулярный вид СМИ, прежде всего среди молодого поколения (связка «партийный актив - класс» и их различия, в том числе в уровне идейности и восприятии идей, не рассматриваются этими господами, равно как и то, что молодое поколение все-таки читает и читает все, кроме унылого политического графоманства) и поэтому партийными изданиями заниматься в принципе не стоит, считают наши «левые друзья». Нужно писать в сети Интернет «гламурные» сочинения и радикальные стишки, создавать некие «сообщества» (а по сути – секты и секточки любителей поиграть в политику), что, дескать, и есть перспектива перехода в новое «царство». Поэтому не стоит и ломать голову над распространением прессы. Ее надо раздавать!

Понятное дело, если партийное издание убого по содержанию и форме, его может купить только «фанат своего дела» или человек недалекий и нетребовательный, что в данном случае одно и то же. Точно также он будет не против, если ему на выходе из метро вручат свеженький номерок легкого чтения, не требующего особых напряжений извилин. В этом заключается секрет популярности газет, подобных «Метро». Гораздо реже можно увидеть в общественном транспорте человека, читающего «Коммерсантъ», «Российскую газету» или какое-нибудь парламентское издание. Однако рас-

пространять (а тем более за просто так) серьезную коммунистическую газету или журнал в таких местах действительно можно и нужно при условии, что номер действительно интересен. Здесь товарища издателя подстерегает опасность: придется посорев-

новаться с буржуазными медиа-господами. Было бы наивным ждать их пассивного благодушия. В конкуренции между буржуазными изданиями систематически проводится ребрендинг, перестраиваются сети распространения прессы, снимаются *неэффективные* и *пропагандистки неудовлетворительные* издания. Немаловажным дополнением к коммерческим изданиям являются и внутрикорпоративные (в государственных учреждениях – внутриведомственные), в которых ушлые «менеджеры по работе с персоналом» учат работников «любить работодателя». Как видите, буржуазия в силу того, что прекрасно осознает свои классовые цели, правильно применяет и средства их достижения, в отличие от всей той оппозиционной (чаще всего – **деклассированной!**) литературщины, которую можно собрать по пятаку за штуку на любом коммунистическом «стоянии». И если коммунистические газеты попытаются выйти на приемлемый уровень идейности и качества своих номеров, следует быть готовыми

к нешуточной борьбе с буржуазными издательствами (вплоть до изъятия номеров из печати, задержания распространителей, а также возникновения других неприятностей со стороны защитников буржуазного отечества). Но разве может это остановить людей, преданных идее не на словах, а на деле?

Подводя итог всему, что было написано выше, хотелось бы сказать следующее: выпускать печатные издания коммунистического движения, по форме и стилю напоминающие старые дореволюционные газеты (студенческие газеты, районные малотиражки), было бы верхом эпигонства и скудоумия. При наличии на рынке печатных машин цветной печати неумение собрать средства и организовать собственный полиграфический центр является верхом позора для партии, которая действительно хочет прийти к власти. Еще хуже выпускать издания *деклассированные*, «хорошие протестные газеты», полные ругани и беспринципных сочинений за отсутствием серьезного вскрытия актуальных проблем, которые наиболее остро стоят перед наемными рабочими и служащими (а не высосанных из пальца проблемок, вроде посещения православным попиком учебного заведения, проведения единого госэкзамена в школах или уплотнительной застройки).

Как бы ни ругали КППРФ за серьезный откат в оппортунизм основной массы ее актива, как бы ни насмеялись над ее вождями, но следует признать: из всех осколков КПСС, объявивших себя коммунистическими, в этой партии худобедно, но вопросам партийной печати как инструменту организации и воспитания партийного

актива уделяется достаточное внимание. Хотя газеты «Правда», «Советская Россия» и региональные газеты КППРФ используются в организации, прежде всего и в основном, парламентской деятельности своих вождей. В остальных случаях коммунистическая пресса представляет собой неудовлетворительное зрелище по причине крайне низкого идейного и культурного уровня, обилия неактуальных либо по-

верхностно освещенных тем, а самое главное – отсутствия действительного понимания среди идеологов коммунистического движения тех задач классовой борьбы на идеологическом фронте, которые должна решать коммунистическая печать. Эти задачи по содержанию совершенно не изменились за сто лет, требуется всего лишь не повторяться

след за предшественниками в формах, повышать свой идейный теоретический уровень в развитии марксизма. При этом недопустимо подражать в формах и по содержанию оппортунистической печати, «патриотическим» антикоммунистам и откровенно враждебным по отношению к марксизму изданиям; нужно беспощадно критиковать все вывихи и сознательные извращения таких «друзей» рабочего класса. Именно в этом заключается ключ к первому успеху в вопросах «Что делать?» и «Что предпринять?» и «Как завоевать сознательных рабочих?», которые стоят на повестке дня перед коммунистическим движением.

РЕЦЕНЗИИ

РЕКОМЕНДУЮ
ПОЧИТАТЬОльга Петрова

Левые активисты довольно редко читают художественную литературу, особенно такого несерьезного жанра как современная фантастика. Если уж читают и обсуждают фантастику, то строго социальную, хвалят, даже низкосортную, «левую» или ругают «правую», чаще всего националистическую. Однако круг читателей такой зачастую больше агитационной, чем собственно художественной прозы как раз и ограничивается самими политическими активистами.

Не заточенную под агитацию фантастику читают гораздо больше людей. Конечно среди такой фантастики львиную долю занимают «сказки для взрослых», а на самом деле не повзрослевших, людей, да боевики в стиле «кровавая резня в марсианском аду», есть слой и более качественного продукта. Некоторые книги в жанре фантастики почитать стоит, как показатели того, о чем думает сегодняшняя пишущая интеллигенция. А хочу познакомить читателей «Прорыва» с тремя такими книжками.

Первая – это довольно новая книга Владимира Васильева и Александра Громова «**Антарктида ONLINE**». Эта веселая книга предлагает представить себе события, которые произойдут в современном мире, если Антарктида вдруг переместится с полюса на экватор.

– Почему поминки? – повторил вопрос настырный Шеклтон.

Непрухин сражался с непослушным лицом, пытаясь соорудить кривую ухмылку.

– Ты хочешь сказать, что наша работа будет продолжена, так? Ты, наверное, хочешь еще сказать, что работы в связи с переездом континента на новое место у нас э... о чем это я? Да! Работы у нас будет даже больше, чем раньше, и... это... она станет еще интереснее? Так? А вот хрен нам всем! Одно дело околполюсный

район, на фиг никому, кроме нас, не нужный, и совсем другое э-э... Тихий океан. Купол когда-нибудь растает, а под ним, сам понимаешь, нетронутые ископаемые, бери да вывози. Лакомый кусочек. Да если бы только ископаемые! – Непрухину все же удалось соорудить ухмылку. – Тут э... много чего, кроме ископаемых. Ничейной территорией Антарктиде уже не быть, зуб даю. Сколько лет продержится Вашингтонский договор, как ты думаешь?

– Хватил – лет! – глухо, как в бочку, прогудел Ломаев. – Недель, а не лет. А то и дней. Вот увидишь, набросятся со всех сторон, как псы, и порвут Антарктиду на части. Всякая дрянь, какую и на карте то не вдруг найдешь, начнет кричать, что у нее, мол, здесь исконные национальные интересы. Сверхдержавы – те кинутся в первую очередь. Тут такой клубок завяжется, что мало не будет. В лучшем случае мирно поделят кусок, в худшем перегрызутся между собой, и гран мерси, если не начнут войну. А нас – в шею, чтоб под ногами не путались. Что в Антарктиде есть научные станции, это хорошо, это готовые форпосты, только скоро их займут совсем другие люди. – Он насутился и, помолчав, добавил: – Вот так вот.

А потом ученые Антарктиды решились провозгласить независимость материка и отстаивать ее. В государствах нацелившихся на империалистический раздел Антарктиды новоявленных антарктов из бывших своих граждан объявили изменниками, признавать эту независимость никто не собирался. Однако зимовщики проявили организованность и целеустремленность.

В этой книге есть много интересных думающе-

му человеку мыслей, сравнений. Общие для всей современной российской литературы насмешки над президентом Бушем-младшим, но при этом понимание того, что современные США могут сделать с любым непонравившимся государством. Взаимодействие антарктов с внезапно свалившимся на их головы олигархом Шимашевичем. Попытки выйти на международные институты...

Наиболее интересными мне показались две развивающиеся в книге темы.

Первая – о государственном устройстве Антарктиды:

– Как это – никакого правительства?

– А вот так. Совсем никакого.

– Так что насчет правительства, а?

– Ничего. Кстати, а зачем оно Свободной Антарктиде?

– Ну как это – зачем! Да хотя бы...

– Что?

– Чтобы править.

– Не понял, поясни.

– Ладно, – сказал Ерепеев, подуспокоившись. – Говори. Какую такую демократию без правительства вы выдумали?

– Непосредственную, – сейчас же отозвался Ломаев. – Как в Древней Греции. Общее голосование антарктов по всем мало-мальски важным вопросам. Нас тут всего-то несколько сот, связь действует, так неужто не договоримся?

– Чуть что – референдум, значит...

– Угу.

– Не угадай, не филин. Значит, вообще без правительства? Ну а кто будет вопросы для референдумов готовить? А принимать быстрые решения, когда нет времени голосовать? А представлять Антарктиду за рубежом – Пушкин будет?

Ломаев хохотнул:

– Неплохо бы: его бы небось не арестовали за измену, постеснялись бы...

– Я серьезно!

– А я шучу, что ли? На первое время выберем, конечно, каких-нибудь представителей народа и президента-зигпредседателя. Построим для мировой общности потемкинскую деревню. А потом примем закон о ротации, скажем, еженедельной. Ты еще не был президентом страны? Значит, будешь. Ты мужик авторитетный, никуда не денешься.

– Иди ты знаешь куда...

– Куда это я пойду из самолета? Ну скажи, тебе не хочется стать президентом? А ведь станешь когда-нибудь.

– Если только это дурацкое предложение пройдет.

– А ты что, будешь голосовать против?

Ерепеев помолчал.

– Нет, – сказал он изнывающему от любопытства Ломаеву. – Не буду я против. А только реально править будет не президент, не представители и не референдум всех антарктов, а этот твой враг Шимашевич. Нет? Деньги-то чьи?

Все обсуждения будущего непременно утыкались в фигуру олигарха. И без его связей и денег никуда, а с ним хоть в петлю:

Ему очень не хотелось это делать. Изнывая на ночных заседаниях комитета по внешней политике, он страстно желал одного: чтобы кто-нибудь придумал иной выход. И без того Шимашевич среди прочих антарктов – ферзь в окружении пешек. А кто он такой для Антарктиды? И что для него Антарктида? Влюблен ли он в нее хотя бы на четверть так, как зимовщики? Хотя бы на десять процентов? На один?

Ломаев сам себе ответил: вопрос поставлен неправильно. Если речь идет о Шимашевиче, то она не идет о любви к пингвинам и льдам. Тут другое. И если вообще уместна аналогия с любовью, то любить внезапно обретенное новое отечество Денис Шимашевич станет не как суровую мать, а как покорную наложницу, купленную рабыню, по отношению к которой все позволено. Поэтому предложу ему купить Антарктиду с потрохами – купит и за ценой не постоит. Сам навяжется в покупателя. Использует ради Антарктиды и деньги, и связи, и влияние. Понятно, с условием: положи наложницу ему в постель.

Вот почему Ломаев так мечтал о том, чтобы нашелся альтернативный вариант.

– Друг Геннадий, – сказал наконец Тейлор, – кого мы пошлем переговорить с Дэнисом? – Имя Шимашевича он предпочитал выговаривать на привычный лад.

– Меня, конечно, – буркнул Ломаев. – Мы с ним все-таки соотечественники. К тому же инициатива наказуема: я пред-

ложил – мне и лететь.

Тейлор не уходил. Даже преградил Ломаеву путь к входному тамбуру жилого купола.

– Все-таки... ты твердо уверен, что Дэннис сумеет помочь?

– Тверже некуда.

– Тогда почему ты недоволен?.. О, кажется, я понимаю!.. Во что нам обойдется его помощь?

– Мало не покажется, – со злостью сказал Ломаев. – Придет время, мы себе локти до мослов сгрызем. И самое противное то, что у нас нет иного выхода...

– И все-таки – сколько?

– Чего, денег? Брюс, не смеши. Что деньги! Денег он нам сам даст. Уверен, что ему понадобится от нас что-нибудь по-настоящему – хорошо еще, если только право на добычу нефти или лов рыбы. А то и похуже: полный карт-бланш и наши гарантии невмешательства в его дела... что бы он ни вытворил. Понятно, ему будут нужны не слова и обещания, а наши головы в заклад. Недурно, а?

– Понимаю... – задумчиво кивнул Тейлор. – Не успели начать, как уже появился первый олигарх. И, кстати, единственный...

– Скажи проще – диктатор! – рявкнул Ломаев. – Вот ты мне ответь, Брюс: этого ли мы хотели? Умники! Антаркты! Щенки! Сопляки! Отцы-основатели!..

– Поэтому ты и настоял на непосредственной демократии?

– О, прозрел наконец!.. Поздравляю. Только одной непосредственной демократии еще мало – ляжем мы под него и с непосредственной, и с посредственной, и со всякой прочей...

– Тогда что?

– Не знаю! И не смотри на меня, как на пророка, я правда не знаю! Может, чего и придумаем, у нас в России говорят: голь на выдумки хитра. Может, удастся его обмануть...

– Обман? – Тейлор был шокирован, мотал головой. – Это мне не нравится. Нет, нет, это совершенно неприемлемо...

– А в политику играть тебе приемлемо? – окончательно вышел из себя Ломаев. – Раз уж начал игру, так играй по пра-

вилам – обманывай и улыбайся! Или поручи это другим, если не умеешь сам! А если умеешь, то будь честен хотя бы сам с собой! И дай, черт тебя побери, пройти сонному человеку, не то он сослепу по тебе пройдет, по законноизбранному председателю...

Конечно, повествование о перепрыгнувшем континенте могло стать очередной книгой-катастрофой с описанием всех ужасов, обрушившихся на бедное человечество, однако здесь авторы не столь кровожадны – пострадали практически только жители Полинезии, которая оказалась на месте Антарктиды, на полюсе. В описании спасательной операции авторы, на мой взгляд, несколькими фразами показали абсурдность ставшего уже почти повсеместным отношения к людям и животным, как к чему-то равнозначному:

Спешили. От судов к берегам и обратно безостановочно бегали шлюпки и катера. Палубы лайнеров, сухогрузов, эсминцев и даже танкеров заполнялись толпами некогда коричневых, а теперь серых от холода туземцев с их скарбом, хнычущими детьми, блеющими козами и бессловесными кокосами. Многие беженцы подавленно молчали – иные, напротив, яростно требовали эвакуации с замерзающих островов их любимых «Тойот», мотороллеров, велосипедов, швейных машин – и, случалось, добивались успеха.

Весь мир обошла душераздирающая история: некий полинезиец застрелил капитана спасательного судна за отказ взять на борт любимую свинью означенного аборигена и двенадцать ее поросят. В сообщениях случившегося на борту корреспондента, казалось, слышался визг несчастных хавроний. Преступника хотели было выбросить за борт, но потом посадили в трюм под замок. Туземец выиграл во всех отношениях: ехал в тепле, вместо того чтобы мерзнуть на палубе, и был в конце концов освобожден от судебного преследования благодаря общественному движению в защиту домашних животных, нанявшему лучших адвокатов. О трех малолетних детях застреленного капитана ничего не сообщалось.

С некоторым опозданием в высокие южные широты прибыли два судна, зафрахтованные Гринпис, и целая флотилия катеров, вскоре напомнивших о легендар-

ной спасательной операции, осуществленной Ноем и сыновьями. Часть этих судов занялась перевозкой в более теплые края брошенных домашних животных, другая часть обратилась к дикой фауне. Людей игнорировали и те, и другие. Ловили всевозможных пингвинов, в том числе императорских, имевших неосторожность уплыть на айсбергах за границу «зоны рокировки» и оставшихся в приполярных водах, грузили их на катера и, пренебрегая птицам в их намерении выпрыгнуть за борт, везли возмущенно орущий груз к берегам Антарктиды, потому что пингвины должны жить именно там. По дороге эти катера встречались с другими катерами, идущими навстречу от берегов Антарктиды и также груженными отловленными пингвинами, потому что исконный ареал этих птиц – южные приполярные воды, а не где-нибудь. Дружелюбно побеседовав под гвалт живого груза, капитаны катеров приказывали лечь на пре-

жний курс и продолжали путь.

Если влюбом деле главное – система, то человек

век воистину велик. Он сумел привести в систему и полный бедлам.

Обманывая береговую охрану, катера притыкались к любому гостеприимному берегу, выпуская на волю мычащий, хрюкающий и блеющий груз бесхозного скота, отчего в Австралии возник ящур, причинивший громадные убытки, а морские пограничники Филиппин и Индонезии вскоре стали обстреливать гринписовские суда без предупреждения. Бури эмоций, пенясь и клопоча, изливались с телеэкранов и газетных полос.

В тумане гринписовский катер на полном ходу протаранил французский сухогруз. Катер затонул; сухогруз с дырой ниже ватерлинии выбросился на песчаный пляж ближайшего атолла, огласив эфир истошным SOS. Человеческих жертв, к великому удивлению, удалось избежать, но островитянам, только что снятым с этого атолла, довелось еще на несколько дней продлить прощание с родимой сушей, уже припорошенной первым пушистым снежком. Местных пальм только-только хватило на костры для обогрева замерзающих. Туземцами был побит один гринписовец, принесший к костру для обогрева оцепеневшую на холоде сколопендру.

Впрочем, будем справедливы: подавляющее большинство моряков занималось спасением людей, а не пингвинов, в спасении не нуждающихся, и не сколопендр, спасать которых – себе дороже.

* * *

Вторая, не столь новая, книга «Алая аура протопарторга» Евгения Лукина повествует о жизни в отдельных государствах образовавшихся на месте Сусловской

области после августа 1991 года. Одно из государств – Лыцк – управляется «православными коммунистами», другое – Баклужино – Демократической Лигой Колдунов, третье – город Суслов – тоже имеет свои особенности, но о нем в другой книге. Политическому и военному противостоянию Лыцка и Баклужено и просвещена книга. Автор очень тонко чувствует язык и проявляет чудеса словотворчества, чего только стоят его конструкции «протопарторг», «митрозамполит», «партиарх», «комсобогомольцы». Все эти выражения так и хочется цитировать в каком-нибудь критическом разборе деятельности реальных «комсобогомольцев»

из КПРФ. Да, действительность и тут догнала фантастику.

Многие цитаты из «Алой ауры...» так и просятся в эпиграф к статьям на современные политические и экономические темы.

Возглавляемая им фирма «Ограбанк» являлась официальным прикрытием террористической организации «Красные херувимы», одним из лидеров которой опять-таки был он, Панкрат Кученюг. Проблема же заключалась в том, что в последнее время глава боевиков напрочь перестал различать, когда он действует по идейным соображениям, а когда по рыночным... Это ведь только нам, жалким обывателям, все равно, с какой целью нас берут в заложники: обменять ли на томящегося в заключении пламенного революционера, или же так - для выкупа... По узости нашего мышления мы даже не в силах уразуметь, в чем, собственно, состоит разница между политическим деянием и уголовным, тем более что их и впрямь легко спутать...

Собственно, в чем состоит истинная мудрость? Во-первых, в том, чтобы уяснить себе, куда мы катимся, и, если катимся в нужном направлении, убедить окружающих, будто происходит это исключительно благодаря тебе.

Борхес, ссылаясь на свидетельство Блаженного Августина, утверждает, что в конце IV века люди перестали сопровождать чтение голосом... Мы же, ссылаясь на Николая Васильевича Гоголя, утверждаем, что примерно с середины XIX столетия чтение не сопровождалось уже и мыслительными процессами... Хотя, возможно, данный качественный скачок произошел у нас много раньше. Когда человек читает молча, не шевеля губами, это заметно всем и каждому. Но подметить, что читающий к тому же еще и мозгами не шевелит, мог только Гоголь с его поистине дьявольской зоркостью...

Поэтому подходы к подготовке сотрудников у ментовки и у контрразведки - совершенно разные. Главная задача милиции - научить бывшего трудного подро-

стка составлять протокол из заранее затверженных слов и произносить несколько фраз подряд без матерных вкраплений. Остальное он уже все умеет - вопреки воспитанию... Задача контрразведки - прямо противоположна: сделать из бывшего паиньки и отличника хладнокровного убийцу и лжеца-виртуоза.

«Фирма «Дискомфорт» реализует крупные партии сахара. Краденый - слаще...»

Впрочем, Е. Прудникова в книге **«Последний рыцарь Сталина»** уже вполне уместно использовала некоторые из этих цитат. Но «Алая аура...» – скорее незлобный «стеб» над политикой и политиками, чем книга, поднимающая серьезные проблемы.

Третья книга - **«Чушь собачья»** того же Е. Лукина - описывает жизнь в третьем государстве бывшей Суловской области, по форме тоже довольно веселая, однако читать ее было несколько жутковато. Дело в том, что в Сулове люди работают... собаками. В прямом смысле слова. Среди состоятельных людей города признаком статуса является наличие рядом человек на четвереньках и поводке.

– А вот собак не замай, – хмуро отозвался Рогдай Сергеевич. – Собаки, Гарик, пока наш единственный козырь. Ты пойми: кроме как в Сулове, люди нигде больше псами не служат. Комиссия по правам человека из-за них приезжала, этнографы интересовались... Такой мог международный скандалчик выйти! Прозевали момент.

– Да я не о том. Я, так сказать, об истоках явления... Грубо говоря: у кого передрали? Ну не сами же додумались!

Директор помолчал, ухмыльнулся неловко.

– Дурь полосатая! – признался он. – Ты-то не помнишь – ты тогда еще под стол пешком ходил. Было, короче, сообщение в прессе: дескать, в Лос-Анджелесе люди к миллионерам собаками работать нанимаются. Последний писк! Ну а мы что, хуже, что ли? Год спустя оказалось – «утка». А за год тут такого понаворочали! Гильдию служебных собак учредили, Общество охраны домашних животных перепрофилировали, теневая экономика

вокруг этого дела закружилась. А самое главное: новый признак крутизны возник! Выходи в любом прикиде, из любой тачки, но если рядом с тобой никто не бежит на четвереньках и в чем мать родила – значит, ты лох!

С другой стороны работать собакой выгодно и престижно, это одна из вожделенных профессий для людей среднего достатка. Попасть в нее не просто – нужно внешне соответствовать какой-нибудь собачьей породе, физически мочь пробегать целый день голым на четвереньках, а главное никогда не выходить из роли собаки в рабочее время. Выход из роли – самое страшное, конец карьеры. «Собаки» пользуются определенными правами и даже привилегиями – их обеденный перерыв на 15 минут дольше, чем у других работников, их защищает своя гильдия и общество охраны животных. Люди быстро привыкли к таким «собакам» на улицах, однако, когда дело касается людей близких, где-то все же возникают даже не мысли, мыслишки:

– Кто? Мадлен? – рассеянно переспросил он, изучая меню. – Сучка...

Почувствовав неладное, поднял голову – и увидел, что глаза отстранившейся Ляли изумленно расширены.

– О господи! – сказал Ратмир. – Ляль! В данном случае никакое это не ругательство. Нормальный рабочий термин...

– Не понимаю... – холодно промолвила Ляля. – Нет, не понимаю. Когда мужик бежит голый на поводке – это еще ладно. Но когда женщина... Бр-р – Секретарша брезгливо передернула плечиками. – У тебя с ней что-нибудь было? – внезапно спросила она.

– С кем? – удивился Ратмир. – А! С Мадлен... Успокойся. Она не в моем вкусе.

– Я имею в виду: в рабочее время, – пристально глядя ему в глаза, пояснила Ляля. – Когда хозяева развлекаются изволят... Как это у вас там называется? Вязка? Случка?

Ратмир выпрямился и отложил газету.

– Ляля! – негодующе одернул он. – Ты что же думаешь: раз собака – то, значит, с ней можно обращаться как с божом? Собака – это...

– Звучит гордо? – не удержалась она.

– Да, представь себе, звучит! Кто прикажет?! У меня в аттестате записано – боксер! А Мадлен – болонка! Нас вообще не положено вязать!... Не бери в голову! – жизнелюбиво посоветовал он. – Если такое случится, одно заявление – на стол, другое – в суд, третье – в Общество охраны животных. Не расплатятся...

Ничуть не обрадовавшись услышанному, Ляля медленно-медленно развертывала салфетку.

– А с той боксершей? – напомнила она, не поднимая глаз.

Ратмир насупился, побряхтел.

– Н-ну... – сказал он. – Все-таки, согласишься, боксерша – не болонка... И вообще! Что за наезды? Сама вон с директором...

Ляля вспыхнула.

– Я – секретарша! – с достоинством напомнила она. – Это часть моей работы!

– А это – часть моей!

Как же это напоминает реальное, а не фантастическое, положение многих категорий современных работников!

Приятного чтения.

Апрель 2008

Редакция журнала «Прорыв»

Мартынов Ю.М., Подгузов В.А., Петрова О.Б., Лбов А.В.

Наши контакты:

Почтовый адрес : 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева,
дом 15, корпус 1, квартира 79,
Петровой О.Б.

Электронные адреса: **webmaster@proriv.ru,**
petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны: **378-37-59 Петрова О. Б.**
387-16-00 Мартынов Ю. М.

Посетите наш сайт в Интернете **www.proriv.ru**.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, большую подборку коммунистической музыки.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра с учетом почтовых расходов 30 рублей.

Редакция работает на общественных началах. Рукописи редакцией не рецензируются, не редактируются, не корректируются и не возвращаются.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б. Цена свободная. Тираж 1000. Объем 48 стр. формата А4. Подписано в печать 25.04.08.